АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ
...ВЕННЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
Историко-этнографическое отделение

ХРОНИКА ВОЙН ДЖАРА В XVIII СТОЛЕТИИ

Предисловие В. Хулуфлу

Издательство
АзГНИИ
БАКУ
1931

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
Историко-этнографическое отделение

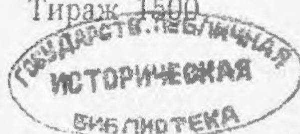
ХРОНИКА ВОЙН ДЖАРА В XVIII СТОЛЕТИИ

С предисловием В. Хулуфлу

Издательство
АзГНИИ
Баку
1931

Гостипография „Красный Восток"
Азполиграфа В. С. Н. Х.
Баку, Карантинная, 84
Главлит 4760. Зак. 2433
Стат-формат Б⁶
Тираж 1500

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая читателям хроника передает ряд кровавых событий, грабежей и насилий, словом—ряд крупных феодальных столкновений пашей, тавадов и ханов, происходивших в Закавказьи в течение 50 лет. Хотя действия и события происходят в пределах Закавказья, центром столкновений служит Джаро-Тальский союз.

Джаро-тальский союз в ходе этих событий представляет из себя наиболее организованную боевую силу; джаро-тальский союз дал отпор грозному полководцу Тахмасп-кули-хану (Надир-шаху) и заставил отступить его брата, под командой которого находилось „четырнадцать тысяч грузинских войск".

Хотя эта хроника в смысле фиксации ряда событий того времени ничего особенно нового не дает, но она очень ценна тем, что в ней приведены подробности и места многих событий и указаны названия не упомянутых до сих пор нигде в истории географических пунктов и населенных мест. С другой стороны, она ценна еще тем, что в ней ясно проглядывает характер господствующей идеологии того времени, в особенности роль ислама, мобилизующего трудовые массы на насилия и грабежи и принимающего в них активное участие.

Другая ценная сторона этого документа заключается еще в том, что он несколько открывает нам завесу над классовой структурой джаро-тальского общества. Последний момент имеет громадное значение, ибо до сих пор буржуазные востоковеды и

кавказоведы не только джаро-тальское население, но и все кавказское, в особенности дагестанское, население рассматривали, как первобытные патриархальные бесклассовые общества. Некоторые из этих „востоковедов“, например, Гурко-Кряжин, даже теперь, на 13-м году Октябрьской революции, в период грандиозного роста колхозного движения среди этих народов, в период начала социалистического наступления на отсталые хозяйственные формы, не хотят принять во внимание классового расслоения среди этих, живущих в кавказских горах, народностей, как будто бы у этих народов есть особый специфический процесс развития, как будто бы этот процесс не походит на аналогичные процессы, происходящие в других странах...

Многие историки, которые занимаются историей Кавказа 19 в., проявляя интерес к общественному строю этих народов, пишут о „джаро-белаканском вольном обществе“ или о „джаро-белаканской народной республике“. Здесь джарские и белаканские аварцы и цахурцы рассматриваются, как единая масса без классовой дифференциации.

По мнению этих востоковедов, вся „лезгинская“ масса эксплоатирует побежденных ингилойцев и муганлинцев (тюрок). В данном случае, по их мнению, речь идет не об определенном классе, эксплоатирующем другой класс; целый народ (в качестве победителя) эксплоатирует другой народ, одна тайфа эксплоатирует другую тайфу.

В этом документе, предлагаемом читателям, действительно, один народ противопоставляется другому и население одной географической местности—населению другой.

Конечно, из этого ни в коем случае нельзя заключить что эта община представляла из себя бесклассовый коллектив. В самом документе немало мест, подтверждающих обрат

ное. Например, в повествовании о войне между Кахетией и Джаро-Талой, в документе упоминаются с сожалением поражение тавадов-героев, князей и бойцов (может быть, рыцарей) и помощь самих джаро-тальцев врагу. По всей вероятности, здесь речь идет именно о том, что угнетенное население джаро-тальской области, желая хотя бы на время обеспечить свое положение, перешло на сторону врага.

Интересно еще и то обстоятельство, что автором нигде не упоминаются имена руководителей джаро-тальской общины, которая в течение полувека терроризовала все окрестное население.

Далее, упоминание в документе названий таких слоев, как гаджи, мулла, эгян (привилегированные слои) и невкер (слуга), показывает, что в аварской общине обладатели частной собственности занимали определенное положение. Имелись особые группы, состоящие из рабов, вольноотпущенников и рабочих (стр. 22), противопоставляемых людям „знатного происхождения“ (стр. 39).

Наконец, появление в аварской общине частных собственников и большую роль собственности на женщину и другое имущество и вообще святость частной собственности можно ясно усмотреть из сущности постановления, составляющего вторую часть документа. С другой стороны, в руках аварской аристократии имелись и имеются сейчас документы (фирманы), оставшиеся от времен Шах-Аббаса Великого. Эти фирманы показывают, что аристократия имела земельную собственность и представляла привилегированное сословие (эксплоататоров).[1]

---

[1] Как известно, джаро-тальцы во второй половине XVIII и первой половине XIX в. в. имели крестьян-крепостных и рабов. Но, в виду отсутствия в документе соответствующих данных, мы считаем излишним говорить об этом.

Кроме больших стад скота, посевных полей, садов, различных плодов и шелковицы, крупные источники дохода представляли добыча от побежденных врагов и пленные. Военная добыча и пленные играли большую роль в обеспечении жизни аварской господствующей группы. Как видно из описаний, из Грузии сюда ежегодно доставлялось „много семейств". Продажей этих пленных в Персию и Турцию наживались большие деньги.

Судьба людей, передаваемых в залог в виде „аманата", после войны и перемирия тоже была недостаточно гарантирована: большей частью или из-за измены или из-за нарушения договора, эти люди частью умерщвлялись, частью в качестве пленных продавались в другие страны. Джаро-Тала, конечно, не всегда побеждала: иногда, потерпев поражение, джаро-тальцы покидали свои насиженные места и отступали в горы и леса.

Возможно, что именно из-за этого они, „об'явив себя посредством Али-паши сторонниками имам-а'зама", принуждены были искать себе другого убежища.

Хотя, по утверждению этого документа, в то время больше соблюдались адаты, чем само учение ислама, но известно, что в джаро-тальском союзе религия имела громадное влияние. После победы над соседними грузинскими князьями джаро-тальцы, не ограничиваясь грабежом и жестокостями по отношению к побежденным, насильно обращали христиан в ислам и назначали над ними кадиев. Здесь мы видим наглядный образец применения религиозного варварства к побежденному населению.

Кроме того, борьба между суннитами и шиитами тоже показывает, каким большим орудием была религия в руках господствующих классов. Шиит Мухаммед-кули-хан, после своего поражения, благодаря переходу в суннитский толк, не толь-

ко спасает свою жизнь, но даже остается на своем посту валия. Автор статьи „мусульманами" считает только своих единоверцев-суннитов, противополагая им персов-шиитов (кизил-башей) и грузин — „неверных". При этом, борьбу, происходящую на социальной или экономической почве, он кое-где пытается подвести под рамки борьбы „за веру".

Арабский текст документа, написанный очень трудным языком, переписан довольно плохим почерком. В процессе чтения ряда слов и предложений пришлось преодолеть большие затруднения. В особенности трудно было установить правильное произношение названий селений и других мест. Вот почему предполагается издать и арабский текст.

Документ не представляет из себя оригинала, он переписан. Но когда и кем переписан и почему не закончен,—остается неизвестным. По словам белоканца Аксака Дебирова, любезно предоставившего нам этот документ, ковах-чёлец молла Мамед получил этот документ от одного своего приятеля кази-кумухского моллы. Молла Мамед, подтверждая это, ничего не мог сказать о месте нахождения самого оригинала. Так как он знал арабский язык, то часть документа им была переведена на тюркский язык. Ввиду того, что документ представляет неполный текст, автор этих строк, с целью разыскать оригинал, вместе с покойным Магометом Унчиевым, окончившим наш восточный факультет, отправился в Кази-Кумух, но ничего там не мог найти.

Рукопись написана на новой русской бумаге, переплетена в картонный переплет и заключает в себе следующие статьи:

1) Первые 210 страниц—арабская грамматика с соответствующими комментариями на полях. Она заканчивается записью переписчика Мухаммеда, сына Исмаила, из селения Ковах-Чёль, и датой 1301 (1883/4) хиджры. Рядом, на полях,

три приписки 1317, 1320 и 1324 г.г. хиджры о рождении детей у позднейших владельцев рукописи.

2) 22 страницы белых, незаполненных текстом.

3) 12¹ ₄ страниц—краткая история Дагестана, приписываемая Мухаммед-Молла-Рафи,—вариант изданной М. Алихановым-Аварским в приложении IX к его переводу „Дербентнаме", Тифлис, 1908 г., с. 164—182. Этот вариант предполагается издать отдельно.

4) Далее, с той же страницы, где кончается предыдущая статья, начинаются и занимают 6¹|₂ страниц, печатаемые вслед за „Хроникой", „Постановления собрания в Агдаме", кончающиеся на половине страницы.

5) Непосредственно с той же страницы, занимая 37 следующих страниц, идет текст „Хроники", оканчивающийся оборванной фразой. Статьи 3—5 писаны одним и тем же почерком, отличающимся от почерка первой статьи. Переписчик второй части рукописи нигде себя не называет.

Что касается находки этого документа, она произошла при следующих обстоятельствах: в 1929 году Обществом Обследования и Изучения Азербайджана я был послан в Геокчай, Шеку (Нуху) и Закаталы для организации на местах отделений Об-ва. Согласно уговору, в Шеке я встретился с тов. Саламовым. Во время работы в Закаталах, взяв с собой покойного Унчиева, мы поехали в Белаканы. Там этот документ нам представил белоканец Аксак Дебиров. Причиной некоторой задержки издания явилось то, что своевременно не нашлось человека, могущего работать над переводами. По окончании переводов, тюркский перевод был забракован, и было решено снова перевести документ на тюркский язык. Арабский текст и тюркский его перевод будут изданы особо.

Перевод с арабского на русский язык и несколько примечаний сделаны проф. П. К. Жузе, а примечания к „Хронике" даны Е. А. Пахомовым.

В. ХУЛУФЛУ.

Хроника войн Джара в XVIII столетии.[1]

Русские вступили в местечко Джар, взяв его обманом и хитростью. Они обманули его жителей, обещав им заключить мир, прекратить войну и убийства и возвратиться через трое суток на свои позиции и на свою родину. Но они построили там крепость и остались. Это было в тысячу двести сорок пятом году от хиджры пророка, после которого не будет другого пророка. При вступлении их в местечко выпал неожиданно снег высотой в две с половиной зиры, так что никто из жителей не мог ничего сделать, ни двинуться куда нибудь.[2]

Вот изложение войны Джара, Талы и других (местечек) с Кахетией: бои и схватки между названными областями были так часты, что в Кахетии не осталось тавадов, а в Джаре—молодцов.

В 1118 г. неверные сожгли селение Джар с помощью властей Области, но после того, как был занят Бисинджаг(?), селение армянина, неверующие, с помощью бога всевышнего, были обращены в бегство, и в руки джарцев попало много добычи. В Джаре было убито двадцать четыре человека, а из неверных около четырехсот.[3]

В 1120 году Имам кули хан, правитель (вали) Кахетии, прибыл с большим войском из Чардаха и напал на мусульман Джара, Талы и других, но с божьей помощью был обращен в бегство, оставив добычи громадное количество.[4]

В 1124 г. Вахдан хан, правитель (вали) Тифлиса, послал для оказания помощи Кахетии небольшой отряд, который остановился в селениях Хизиха. Вслед за тем отряд джарский

ходил на Джугаан и, взяв небольшую добычу, вернулся обратно. Когда отряд дошел до Боздаган-тапы (?), прибыл отряд Вахдана, а за ним отряд Кахетии. Завязался бой. Мусульмане напали (на неверующих) и обратили их в бегство. Бой непрерывно продолжался до самого Джугаана. Лишь немногие из неверующих спаслись и от них с помощью божией досталась мусульманам большая добыча.[5]

В 1127 г. Джар, Тала, Мухах и Хачо заключили с Имам-кули-ханом мир, по которому он обязался выдать им пятьдесят туманов и платить по сто туманов каждый год, но в 1129 г. они нарушили мир и взяли прежде всего Магран.[6]

Дагестанские войска находились с 1130 г. по 1133 г. в Белокане. После занятия Джара, Талы и других, мусульмане сожгли (все пространство) от Гаваза до Сабуда (?), заставили жителей сдаться (или принять ислам) и выдать заложников. Когда жители Гаваза сдались, Имам-кули-хан находился в Телаве, где и умер.[7]

В 1133 г. прибыл брат его Мухаммед-кули-хан, получив от шаха Хусейна Кахетию от Телава до Бидикара. И убежали ее жители по направлению к Тианату, но после долгих скитаний и пожаров, вернулись в свои селения с целью сдаться (принять ислам) и мы им назначили кадиев от Алаверди до Бидикара; но так как они не приняли ислама, то все пространство от Гурджаана до Бидикара было поделено между Джаром и Талой.[8]

Джарцы убили Хусейн-али-хана и всех его воинов, когда те явились в Шеку, чтобы напасть на Джар и Талу, и взяли у них такую большую добычу, что даже в Шемаху попало около 400 верблюдов.[9]

В 1135 г. правителем Кахетии был Мухаммед-кули-хан, а правителем Тифлиса—Вахдан-хан. Кахетия находилась тогда в зависимости от Джара и Талы, а Алаверд, Телав и Сахул (?), до Гаваза и Гурджаана—под управлением булкадарцев. Джар и Тала заключили с Мухаммед-кули-ханом мир, по которому он обязался выдать им триста туманов с тем, чтобы они освободили неверующих (пленных?) от Телава и Сабуда (?) до Бидикара.[10]

Султан Хусейн-шах кызылбаш назначил затем Мухаммед-кули-хана правителем Тифлиса, где находился Вахдан хан. Джарцы, талайцы и вся область, собрав свои войска, двинулись на Тифлис и взяли его в 1135 г., в девятый день ша'бана, в субботу. (Войска) джарцев, талайцев и всей области Цахура распространились по Тифлису до полудня, а утром началось сражение. И заключили с ними мир, согласившись уплатить шестьдесят тысяч туманов. Правителем (Тифлиса) был назначен Мухаммед-кули-хан после того, как он принял ислам (суннитство), так как раньше был шиитом. Войска, в количестве многих тысяч, вернулись обратно и лишь немногие остались там (в Тифлисе); но как-раз в это время появились передовые части армии османов, и когда войска Мухаммед-кули-хана снова пришли в Тифлис, то оказалось, что войска Кӧр-Ибрагим-паши уже вступили в него при помощи хитрости и обмана. (Османы) заключили в тюрьму Мухаммед-кули-хана, захватили насильственным путем Тифлис и отрезали его. Однако, Мухаммед-кули-хану при помощи хитрости и обмана удалось из тюрьмы бежать в Хизих, тогда как его семья находилась в селении векиля, который был в то время правителем Ганджи.[11]

В 1134 г., в конце сафара, осенью, войска Кӧр-Ибрагима взяли верхнюю часть Ганджи и вступили в бой с населением нижней части, так как между двумя частями существовала вражда, и кызылбаши выгнали войска османов из города. После того прибыл туда Мухаммед-кули хан с войсками Джара, Талы и других и занял город по договору и аману. Начальствующие Ганджи сдались ему и совершили с ним пятничную молитву.[12]

В 1138 г., в конце зуль-хиджжи, после прибытия войска Мухаммед-кули-хана и ухода армии Кӧр-Ибрагим-паши, прибыл туда Мустафа-паша и захватил его (город).[13]

В 1139 г. между мусульманами и жителями Гаваза. Кариля и Шильды произошло сражение, в котором было убито около двухсот булкадарцев, находившихся среди них. Вслед затем жители Джуюра убежали из своих селений к ним, и с ними вошел в соглашение Хизих.[14]

Затем прибыл Мухаммед-кули-хан со своим братом Тахмуразом, которые убежали из Вакира в Бешаул после того как в этом году джарцы отняли у него имущество, оцениваемое в девять тысяч туманов. Тахмураз с братом и со всеми их людьми из'явили покорность имаму ислама и обязались платить ему джизью, и он им назначил правителем Мухаммед-кули-хана после того, как он принял ислам (суннитство). Вместе с османами Мухаммед-кули-хан прибыл сначала в Бидикар, а в начале 1140 года, в конце месяца колоса, в Топ-Кара-агач, где они остановились в крепости Муртаза-кули-хана. Комендантом крепости был в то время Шурали-паша, и при нем остался правитель Кахетии, Мухаммед-кули-хан.[15]

В начале месяца скорпиона выступили джарцы, талайцы и другие и осаждали крепость в течение восьми дней, но на помощь крепости явился Тахмураз с тремя тысячами неверующих и тремястами османов. Подойдя к крепости утром с южной стороны, они вступили в бой, но с божьею помощью неверующие и османы были обращены в бегство, при чем одних неверующих было перебито четыреста человек, а османов около двадцати, тогда как неверующими было убито всего двадцать пять джарцев, четверо талайцев и один из Джиника. После этого джарцы и другие покинули крепость.[16]

В середине месяца лука джарцы, талайцы и другие выступили из Битана (?) и Шальхабата (?) в Биджан-баг и ограбили имущество жителей Тегиля (?), Кушджи (?) и Халаджа (?), пролили их кровь и взяли в плен их семьи. Жители (этих местностей) бежали из Даначи (?) в Биджан-баг. После этого войска повернули к Магарану, где угнали мелкий скот и несколько коров, но когда из Хача-кая они подходили к Милю, явились за ними османы, в то самое утро вышедшие из крепости. Между османами и ими произошел бой, и османы обратились в бегство. Османов было перебито около ста человек, а из джарцев был убит только один. У османов было взято много добра (скота) и лошадей, и джарцы и другие поделили между собой добычу, доставшуюся им от Тегиля (?) и османов.[17]

В 1140 г., в начале месяца ведра, в месяце джумади-ал-ахире, джарцы и талайцы заключили с османами и кахетинцами мир. Джарцы и талайцы обратились через Исхак-пашу к великому имаму с ходатайством принять их в свое подданство и отвести им место для поселения, и он им отвел место между горой ал-Фатх и рекой Гаваза и между Капу́-чаем и Милью до Бисин-джага.[18]

Правителем Кахетии был в это время Мухаммед-кули-хан, комендантом крепости Топ-Кара-агач—Али-паша, а правителем Тифлиса—высокочтимый везир Исхак-паша.[19]

В 1141 г., в начале сафара, что соответствует началу месяца колоса, произошел с жителями Хизиха бой, после которого они из'явили покорность джарцам и талайцам и выдали им сто двадцать заложников. В это время как Тахмураз, так и сын Тархана, моуравы и другие вельможи Гурджистана находились вместе с жителями Гурджаана, Веджина, Бакурсуха и Колака в крепости Веджин, а джарцы и талайцы стояли перед Карданахом. Пришли дагестанцы и, вместе со всеми джарцами и талайцами, осаждали крепость Веджин в продолжение шести дней. Тахмураз, и сын Тархана и моуравы и остальные вельможи убежали в Телав, а оставшеся из'явили свою покорность и обязались выдать заложников—часть джарцам и талайцам, а часть дагестанцам, после чего покинули крепость, и Кахетия вернулась к своему старому положению. Джарцы вновь поделили (земли) от Карданаха и Джугаана, а потом ограбили имущество жителей Веджина, Гурджаана, Бакурсуха, Колака, Шалияна (?) и Бахуяла (?) и взяли в плен их семьи, а остальная часть жителей убежала в Гаваз и Кариль и, таким образом, никому не подчинилась.[20]

По требованию Сурхай-хана, тогдашнего правителя Шемахи, дагестанцы возвратились в Шемаху. Мухаммед-кули-хан находился тогда в крепости Телава, а неверующие Гаваза, Кареля и других селений подчинялись ему; что касается Али-паши, то он находился вместе с Али-пашей казахским в крепости Топ-Кара-агач, из которой не могли их выбить.[21]

В конце раджаба 1141 г., совпавшем с концом зимы, джарцы, талайцы и другие жители Области, а также хизыхцы осаждали крепость Топ-Кара-агач в течение семи дней. В крепости находился Джур-Али-паша и Казак-Али-паша. Взяв пушку, сделанную мастером Шабаном, оба они ушли к Даначи (?). В крепости было тогда восемь пушек. Когда распространился слух, что османские войска появились у реки Карби, осаждавшие пошли против них, однако хизихцы убежали, а некоторые из осаждавших ушли к своим стадам на берегу Каныка. Недалеко от Хачкая обе армии встретились в сафаре (?) и вступили между собой в бой, в котором было убито с каждой стороны около сорока человек. Джарские и талайские войска убежали в свои деревни со своими семьями от Падара до Гогама. В день бегства османы расположились между двумя крепостями, имея во главе Исхак-пашу и Али-пашу тебризского, тогда как главнокомандующий Мустафа-паша оставался в Гандже. Оба высокочтимых визира послали в четверг, в день сражения, отряд с кяхьей Али-кяхьей, а в пятницу послали (другой) отряд в Падар, где убили Мухаммед-хана кухского, двух джарцев и несколько человек из Падара, бывших с ними, и, взяв несколько из числа оставшихся в плен, вернулись из Тута(?) (в Тут?).[22]

В эти дни жители Хизиха и Гаваза угнали у джарцев семь тысяч голов мелкого скота с пятью молодыми пастухами и стада других селений с пятью юношами. В то время не было ни одного джарца и талайца, который бы не убежал в горы со своей семьей, захватив с собой свое имущество. Оба общества послали в Топ-Кара-агач по одному (делегату) для заключения мира, при чем джарцы послали муллу Муртаза-Али, а талайцы Хаджи-агу. Делегаты неохотно отправились в Топ-Кара-агач и скоро вернулись обратно с некоторым известиями, но их опять послали, присоединив к ним Хаджи-Исмаила и Баглю-Рамазана. Эти четыре посланца вместе с войском, пришедшим на помощь осажденным в крепости, отправились к главнокомандующему Мустафа-паше, командиру Ганджи. Собравшись там, они заключили мир с мусульманами

на следующих условиях: они обязались, во-первых, выдать заложников в Топ-Кара-агач: шесть человек от *Джара* и четырех от Талы; во-вторых,-покинуть земли и пастбища, которые были им даны раньше для существования, в-третьих,—прекратить враждебные действия против подданных имама ислама в стороны Енисели, Хизиха и других. Представители обоих обществ, по заключении мира, выдали заложников, покинули земли и отказались от вредительства. Затем джарцы вернули неверным их заложников, а те вернули джарцам тех пять юношей, которые были взяты в плен со стадами. Спустя два месяца заложники джарцев убежали из крепости, и снова началась война между джарцами и талайцами—с одной стороны, и кахетинцами—с другой. Османы потребовали от джарцев и талайцев, чтобы они не беспокоили подданных имама ислама, и действительно между ними не было ни грабежа, ни нападений, ни похищений, так что джарцы и талайцы часто отправлялись по своим делам в крепость Топ-Кара-агач к господину паше и возвращались оттуда невредимыми.[23]

В начале 1143 г., в мухарраме, т.-е. в начале месяца льва, войска Галеги анцухского прибыли на мейдан Шильды просить у джарцев и талайцев помощи. Они из'явили им покорность, сдались и дали джарцам в качестве зевиля Сабуд(?) и Карель. После этого джарцы отправились из Кондоля и Тилувле (?), а затем вместе с некоторыми талайцами пришли к реке Гаваза. Жители этой местности из'явили им покорность, сдались и выдали им двадцать заложников. Отсюда джарцы двинулись дальше, против крепости Веджин, которая не подчинилась им, а затем против Сигнаха Хизиха, но и тот не признал их власти, и они вернулись.[24]

В 1143 г. Мухаммед-кули-хан потребовал от джарцев и Усми-султана, чтобы они заключили (с ним) мир на условиях, что Кахетия выдает джарцам тысячу тагаров лучшей пшеницы, за которую они заплатят в 1147 г. шестьдесят туманов. В то время Область находилась в войне с Кахетией, но между джарцами и Мухаммед-кули-ханом был установлен мир до конца 1145 г.[25]

Сурхай-хан потребовал от Области, чтобы она прислала ему много людей в Шемаху с Мухаммед-беком, сыном Али-султана, и Область послала ему более ста человек; он потребовал и от Джара восемнадцать заложников, обещав отдать им.... (два слова не разобраны) и выдавать каждому заложнику по два тумана в месяц платы. Двух посланцев Джара и заложников, а также много людей из Области он заключил в тюрьму, а потом во главе большой армии выступил из Шемахи, чтобы согласно приказанию имама ислама, Махмуд-хана, служителя двух святилищ, ограбить Гаваз, Карель, Шильду и их окрестности. На помощь выступил из Тифлиса Юсуф-паша, сын Исхак-паши. Оба (Сурхай хан и Юсуф-паша) вызвали к себе Мухаммед-кули-хана, правителя Кахетии, и он отправился к Юсуф-паше в Бичанбаг, где его коварно убили в пятницу, 23 раджаба. В это время Сурхай-хан стоял перед Охлу(?), но затем присоединился к Юсуф-паше в Крма-анке(?). [26]

Затем Сурхай-хан потребовал от Области войска, и они выступили в Джаур-тух(?), но, не питая к нему доверия, вернулись к Хаджи-Молла-Муртаза-Али, Мулла-Али и Халадж-Али. Но они (Сурхай-хан и Юсуф-паша?) вызвали их в Гаваз. Сурхай-хан взял от них заложников и отправил их в Шемаху, а их семьи и имущество находились выше Гаваза ?). Сурхан-хан двинулся против них, перебил мужчин, взял в плен их семейства и захватил все их имущество. Это было в восьмой день ша'бана, что падало на середину (месяца) зимнего козла. Затем Сурхай-хан двинулся с двух сторон на Сабуд(?), и здесь его войско оставалось десять дней. Сюда к нему явились таваты от Хамнта(?) до Хизиха, и он заключил мир со всем Гурджистаном. Юсуф-паша находился (в это время) с османской армией в селении Алмате. По заключению мира, все вернулись в свои селения: Сурхай-хан вернулся в крепость Хашмаз, а Юсуф-паша—в крепость Топ-Кара-агач, и он назначил им (жителям) около ста десяти кадиев и старшин, но весной они убежали от страха перед ними. Заложники Джара оставались в Шемахе девять месяцев, а арестованные из Области—три месяца. [27]

По возвращении из Гаваза, против него (Сурхай-хана) восстал Мухаммед-бек из-за того, что тот отнял у него Шеку, оставив в его руках область Ках, которую потом отобрал у него и передал Халил-беку. Таким образом, Сурхай-хану и Халиль-беку подчинилась вся Область, кроме Джара.[28]

Джарцы с тех, кто ходил из их селения к ним (Сурхаю и Халилу) взимали по туману. Их (джарцев) неоднократно вызывали к себе (Сурхай-хан и Халил-бей) ласковыми и льстивыми словами, но они к ним не ходили. Дело оставалось в таком положении до конца 1146 года.[29]

По прибытии Сурхай-хана в крепость Хашмаз, восемь джарцев и пятнадцать человек из Падар-Азизлу выступили тайно от Общества в сторону Маграна, чтобы пограбить и совершить нападение, но моурав Хизиха окружил их своим отрядом и всех перебил, так что никто из них не спасся. Вслед за тем пришел на зиму отряд Крым-хана, чтобы пасти свои табуны, и так как кызылбаши считались их врагами, то Бай-Ахмедлу угнал у них много лошадей, а так как эти (Ахмедлу и его люди) находились под властью джарцев, то кызылбаши потребовали от последних своих лошадей, но те не возвратили, и поэтому кызылбаши ограбили имущество (стада) Бай-Ахмедлу и взяли в плен семейства. Из страха перед джарцами, прибывшими на помощь османам, крымцы бежали в город Ганджу.[30]

В то время правителем Ганджи был Гендж-Али-паша, Тифлиса — Исхак-паша, а Шемахи — Сурхай-хан.

Отряд джарцев вместе с некоторыми людьми Области отправился, без согласия общества, в Дамурдж-Хасанлу, за получением искиля, а затем в Шеку в связи с вопросом об имуществе Бай-Ахмедлу, которое отняли у него крымцы, так как османы и крымцы одно и то же и словом и делом, несмотря на то, что жители Демурдж-Хасанлу их подданные и они часто ходили к ним со своими табунами, стадами и другими животными. Когда отряд джарцев дошел до Хач-кая, за ним погнался отряд Исхак-паши, вступил с ним в бой и отнял у него скот, имущество и животных; при

этом из джарцев было убито в конце 1146 года восемь мужчин, из Джиника—несколько человек и несколько же из мугальцев.

В начале мухаррама 1147 года джарцы начали один за другим переходить к Сурхай-хану по его требованию, так что в Джаре осталось весьма мало людей. Каждому из приходивших к нему Сурхай-хан давал халат и серебряные монеты соответственно положению. Хан находился тогда в крепости Хашмаз, но в начале сафара он отправился в Гумук, оставив своего раба Курта правителем в Хашмазе, а брата своего, Сулеймана, в городе Шемахе. [31]

Тахмаз-кули-хан (находился в это время) в Багдаде, где он воевал, как мы слышали, с османами. Но скоро, по просьбе жителей Шемахи, прибыл туда во главе большой армии и неожиданно вступил в нее, при чем об этом люди узнали только после того, как он вошел в город. [32]

(Узнав об этом), Сурхай-хан собрал много войск в Дагестане и среди османов и крымских татар из числа тех, которые находились в Гандже, и из области Цахура, хотя Ума-хан запретил части дагестанцев отправиться к нему. Также мало людей пошло туда из Джара и Талы . . . Затем Сурхан-хан выступил со своими войсками, чтобы осадить Шемаху, но дойдя до Дуайтана(?) у речки Гардаман, войска Сурхай-хана столкнулись с кызылбашами, выступившими из Шемахи. Между ними произошел бой, в котором кызылбаши одержали верх. Когда до Сурхай-хана дошло известие, что Тахмаз-кули, глава кызылбашского войска, выступил из Шемахи в Гумук, чтобы захватить его казну и семью, Сурхай-хан спешно направился туда, чтобы опередить Тахмаз-кули-хана, и действительно он прибыл туда раньше него. [33]

Прибыв в Хосруки, Тахмаз-Кули-хан вступил с Сурхай-ханом в сражение, продолжавшееся три дня. Победа осталась за кызылбашами, которые двинулись в местечко Кабуд(?), где Сурхай-хан стоял со своим войском в количестве приблизительно тысячи человек. Победу опять одержали кызылбаши и Сурхай-хан бежал со своей семьей в Кусурхи(?), а оттуда в

Ругджу, затем в Тилик и Алйкен(?), что выше Гондаха, так как дагестанцы не оказали ему помощи. Вслед за этим селения, расположенные кругом Гумука, заключили с Тахмаз-кули мир, и он назначил находившегося при нем Хаспулата, сына Гирей-шамкала, находившегося в плену у русских, начальником над Гумуком. Затем он (Тахмаз) разрушил местечко Кабуд(?), ограбил казну Сурхай-хана и взял в плен около пятидесяти хаджиев(?), но потом он их простил и освободил, за исключением тех, которые скрылись от него или убежали со своими семьями в селение Гуниб. После этого он возвратился со своими войсками. Эти бои и завоевания происходили в начале джумады ал-аввалы 1147 года, что пришлось на начало осени. [34]

Когда была осаждена Шемаха, Юсуф-паша, сын Исхак-паши, выступил из Тифлиса во главе своей армии на помощь Сурхай-хану. Дойдя до Хача-кая, Юсуф-паша встретился с Тахмуразом, прибывшем туда ночью во главе войска Кахетии. Между ними произошло сражение, и Юсуф-паша убежал со своим войском к реке Караби, оставив в руках неверующих много провианта и другого имущества. После этого явился со своим войском в Шильду Али-хан хунзахский, до которого еще не успела дойти весть о взятии Кабуда. Узнав там об этом, он перешел со своим войском в Белокан, а оттуда вернулся к себе домой. Тахмаз кули-хан в это время уже успел вернуться из Гумука прежде, чем Али-хан дошел до Кысырхи(?). Тахмаз-кули направился к крепости Ганджа и осадил ее первого числа первой джумады. Командующим крепостью был в то время Генди-Али-паша, при котором было много войска. Тахмаз-кули-хан остановился в Биладжике, где он так жестоко и несправедливо собирал хараджи, что население восстало против него, вызвало на помощь отряды из Джиниха, Талы и других мест, двинулось против него, перебило много его воинов и захватило их имущество. Среди возмутившихся не было джарцев, но они, (узнав об этом), выступили и заняли триста домов в селении Биладжик и вышли с западной стороны Капу-чая. [35]

После этого Тахмаз-кули-хан послал против Джара и Талы войска с сераскиром Мухаммед-кули-ханом, правителем Шемахи во главе. Войска спустились к Торпах-кале, имея с собой усмия цахурского и Гендж-Али-султана. Против них выступили войска Области, но они (кызылбаши) вернулись обратно из Ляхлялу и, в половине ша'бана, в начале зимы, пошли дальше и остановились выше Али-абада. Против них выступило войско Области и рано утром завязало с ними бой. С кызылбашами была артиллерия, а кругом их цепь и ров. С джарцами же был только дагестанский отряд приблизительно в четыреста человек, и поэтому они были разбиты и бежали. За ними погнались и остановились на западной стороне крепости Джиник-Руха. Они потребовали от Джара и Талы людей (в заложники), и джарцы выдали им шесть человек, а талайцы четырех. Но те потребовали от них всякими льстивыми словами еще сто пятьдесят человек, в качестве якобы слуг для Тахмаз-кули-хана, и те послали их вместе с десятью вышеупомянутыми как-раз в то время, когда Тахмаз-кули-хан осаждал крепость Ганджу. Вслед за этим они прибыли и при помощи хитрости и обмана заняли Талу. [36]

После этого от Тахмаз-кули-хана пришло письмо с требованием еще сто пятидесяти человек. „Я,—говорил он,—с самого начала, когда ко мне явились ваши представители, по моем возвращении из Гумука, потребовал от вас выдать мне триста человек". Оба общества послали ему, страха ради, требуемое количество людей, которые состояли большой частью из рабов, вольноотпущенных и рабочих, в сопровождении хаджи Мухаммед-Али, сына, Джоржора. Когда пленники прибыли к кызылбашам, те уже успели выступить и остановиться в месте, примыкающем к дороге из Жалбана(?) в Кич-Джар, недалеко от Закатала. Здесь завязался между двумя армиями сильный бой. Но потом (дагестанцы) ушли в себе на родину, в Заруйаля-Нуху(?), и провели там сутки. Кызылбаши провели в Джаре и Тале четырнадцать дней, а потом заняли их крепости, переполненные всяким добром, за исключением крепости Амир-Ахмеда. Семьи джарцев находились в

продолжении двадцати пяти дней в Верхнем селении, катехцы—в Рече-гиле, а талайцы—в Джамчаре, Тале и Ханкудахе(?). (Кызылбаши) сожгли дома в Катехе, Джаре, Тале и Чардахе, сожгли так же и весь округ Енисель, выгнали из них всех жителей, кроме тех, кто бежал (в горы) с жителями Джара, Хачо и Чардаха, и область Енисели опустела. Они (кызылбаши) разрушили крепости Джара и сожгли крепости Катеха и Талы, кроме крепости Амир-Ахмеда, в которой пострадало около сорока человек, ибо бог спас ее и то громадное имущество, которое хранилось в ней. Кроме этого, кызылбаши ограбили все имущество мусульман и вырубили их фруктовые деревья и виноградники. Все это случилось в священном рамазане, в зиму 1147 года. В среду, 14 священного рамазана, кызылбаши ушли. Боже, сохрани нас от их коварства!—Мусульмане, не доверяйтесь им, ибо они самые коварные люди. Да истребит их бог всех, да накажет их самым страшным наказанием и да проклянет их, ибо они неверны, что ясно из их действий и слов: они оскорбляли коран и сжигали его. [37]

Войска ислама во главе с их начальником Абдулла-пашой, сыном Кёрпули, прибыли в Карс в месяце раджабе, в то время, когда Тахмаз-кули-хан осаждал крепость Ганджу. Здесь Тахмаз-хан пробыл до месяца мухаррама, а затем выступил со своим войском и остановился в Сынык Кёрпи (Красный Мост); оттуда он двинулся дальше и остановился в Лори-кале, откуда пошел против мусульманского войска, переправился ночью тайком через Арпа-чай и расположился на границе Карса. Между двумя армиями в начале сафара завязалось сражение, в котором военачальник мусульман Абдулла-паша, был убит. [38]

В то время в крепости Тифлис находился со своими войсками Исхак-паша, осажденный Ханджал-ханом во главе кызылбашских и кахетинских войск. При Исхак-паше находился сын Сурхай-хана, Муртаза-Али-бек, во главе трехсот дагестанцев. Узнав об убийстве Абдулла-паши, Муртаза-Али-бек вернулся в Дагестан. Между османами и кызылбашами был заключен договор, по которому османы должны были поки-

нуть Тифлис, Эривань, Ганджу и другие города, находившиеся раньше в их руках. Османы, прежде всего, покинули крепость Топ-Кара-агач и перешли в Гумук, а затем в Крым, оставив в крепости артиллерию, арсенал и много имущества, которое досталось грузинам. Когда число заложников из Джара и Талы дошло до трехсот, то грузины убили около ста из них в окопах Талы, когда они (грузины) отправились разрушать Джар, а тех, кто не был родом из Джара, они отпустили, но некоторые остались у них до того времени, когда они выступили против мусульманской армии в Карсе, при чем часть этих последних, находившихся в крепости Лори, была также отпущена, когда был убит главнокомандующий Абдулла-паша, т.-е. в 1148 году в месяце сафаре. Всего джарцев осталось у Тахмаз-хана в Кырх-булахе, на границе Карса, шесть человек. [39]

По уходе армии кызылбашей из Джара и Талы, произошел бой между джарцами и грузинами из Кахетии, при чем в руки джарцев попала богатая добыча, и они вместе с талайцами погнали жителей Падара с горы Канбагда(?) в их селение Даначи. [40]

Сын Сурхай-хана, Муртаза-Али-бей, вместе с джарцами, талайцами и отрядами из Джиника, Мухахана и Дагестана сжег в конце сафара 1148 г. всю область Ках, а затем мором, голодом и жаждой взял крепость Ганджу, из которой перевел в месяце раби-ал-аввале Гендж-Али-пашу с его войсками; последний оставил в руках кызылбашей артиллерию и арсенал. Войска кызылбашей отправились в сторону Ширвана. [41]

В то время Тахмаз-хан, во главе своей большой армии, находился в Кырх булахе, между Карсом и Эриванью, а мусульманское войско с Демир-пашей во главе—в Карсе. В конце раби-ал-авваля (1148 г.) Тахмаз-кули взял крепость Тифлис по мирному договору из-за ее слабости и захватил войска Исхак-паши и их имущество; кызылбаши запретили им взять артиллерию, арсенал и рабов из Тифлиса, приказав им оставить все это в крепости. [42]

Вслед за тем военачальники кызылбашей, находившиеся в Тифлисе, Гандже, Шеке, Ширване и др. местах, собрались у Тахмаз-хана в Кырх-булахе. Войска Демур-паши находились в крепости Карс, а войска Тахмаза стояли вне ее двадцать дней без боя, но другое войско Тахмаз-хана, осаждавшее Эривань, взяло ее по мирному соглашению. После этого Тахмаз возвратился со своими войсками в крепость Тифлис, заключив с Ахмед-пашей, комендантом крепости Багдад, мир, по которому они выдали друг другу по пятнадцати заложников.

Затем он (Тахмаз) потребовал от джарцев и талайцев (заложников), и джарцы послали к нему человека низкого, выдав ему три тумана и лошадь с тем, чтобы он красивыми и фальшивыми словами убедил того отправить их, заложников, живыми и здоровыми в Хизих. Потребовал к себе (в Тифлис) и Тахмураза, брата Имам-кули-хана, и моурава Хизиха и всех тавадов с их семьями, но они убежали со своими семьями в Бешаул, а он послал за ними войска. Кахетинцы же, боясь как бы он (Тахмаз) не отправил их в Хорасан, убежали в свои деревни, но тогда тот увел в плен из Кахетии двенадцать тысяч человек большею частью из Кареля, Телава и Алаверды, а жители Енисели, которые были у них в плену, убежали обратно в Енисели.

По приведении своей армии в порядок, (Тахмаз) выступил против Джара и Талы, погнав перед собою их гонцов и заложников: это за то, что они (джарцы) убили его гонцов, а также вследствие жалобы усмия цахурского, у которого джарцы сожгли область Ках. Во время похода армии убежали оставшиеся при ней заложники Джара и Талы. После этого армия двинулась дальше, прошла три дня от Канука и расположилась между Джаром и Талой, в среду, в первый день раджаба (1148 г.). Еще до его прибытия туда жители Катеха убежали в Бече-гиль, жители Талы—в Макатур (?), часть жителей Жалбана (?)—в Джамджар (?), часть—в Салах (?) и Мухах, а часть вместе с жителями Кич-Джара и Була-Джара—в Верхнее селение. Те, которые пришли в селение, решили отправить свои семьи на самую вершину горы Веркенид (?), а

мужчин — вернуть в деревню для ведения войны. Утром они перевезли свои семьи (в горы), но не успела третья часть их добраться до Ханзакура (?), как появились кызылбашские войска со стороны Джума-Кебаб-Шуба (?) и распространились до Баграра (?), что выше Касреба (?). Это заставило жителей бежать ниже Касреба (?), часть ниже Беллеснихлишура (?), часть из Хала-Батанусана, часть из Молла-Махмедиль у Ханеса (?), часть из Махбала-Хорсана (?), а часть из Нукиль-Казансана (?). Около двадцати (семейств), женщин и мужчин, собрались затем из другой деревни в доме Бузу-Султанлу, чтобы убежать. Сражение между двумя армиями продолжалось с утра до тех пор, пока кызылбаши не разошлись по домам для приготовления пищи и питья. Этим воспользовались женщины и убежали с мужчинами из Махбулаха (?) вечером живыми и здоровыми. Из кызылбашей было убито около ста сорока человек с двумя начальниками и верховным начальником Баба-ханом. Тахмаз-кули-хан расположился в Закан-тале, с восточной стороны крепости Амир-Ахмеда. В субботу утром кызылбаши ушли в сторону Шемахи. Тем временем крымские войска с усмием кайдакским и всеми дагестанскими (войсками) прибыли в Арах, крепость Баб-ал-абваба; в последнем находились кызылбаши, которым русские передали его, так как он раньше был в их руках. Эта война происходила в конце осени 1148 года. [43]

Вслед за этим джарцы и талайцы вернулись в свои селения. В селениях и на горе (?) снег доходил тогда до ползиры высотой. И умерло двадцать жителей Аро с женами от холода у моллы-Мухаммед-Ухи. И пока они находились наверху, была сожжена треть деревни в пятницу и в ночь на субботу; три красивых женщин были взяты в плен, семь старых женщин было убито и пять благородных, старых и больных, были покинуты в деревне. Что касается крепости Амир-Ахмеда, то в ней не было и двадцати человек, а имущество бог всевышний сохранил в целости, тогда как все добро кругом ее было разграблено ночью; дома кругом были сожжены, все имущество и провиант разграблены и трое больных мужчин,

оставшихся в деревне, убиты. Однако, войска (Тахмаза) совершенно не тронули Катеха, так как они туда не приходили и с ними не было грузин из Кахетии. Когда Тахмураз-мирза и моуравы прибыли в Кахетию, джарцы и талайцы заключили с ними мир в конце ша'бана (1148 г.) и купили у них провиант. Цена тагара кукурузы и чалтыка дошла до восьми золотых (алтун); а тагар пшеницы — до двенадцати; все это из-за голода, царившего среди людей даже в стране Каха, так что некоторые питались льняной, древесной корой, сеном и травой. Кахетинцы заключили мир и с усмием цахурским и с его подданными—кахцами. [44]

С приходом кызылбашского войска в Шемаху, крымские войска вернулись в Кабарду и Черкесию, оставив артиллерию и арсенал с топчи-баши у усмия кайтакского. Но когда кызылбаши подошли к Кайтаку, усмий убежал в трудно доступное место, в крепость, захватив с собой артиллерию, а сын его, Хан-Мухаммед, — в Кала-Корейш. С ними заключили мир и акушинцы и другие. Дойдя до Жадасарана, (кызылбаши) вступили в бой с одним отрядом дагестанцев, состоявшим приблизительно из трехсот человек, и перебили около ста из них. Сражались также и с наибом Дербенда, при этом было убито еще шесть дагестанцев. [45]

После этого дагестанцы убежали, а кызылбаши ушли, взяв перед этим Алхаб-Кылзым (?), Губдакаб, Баршалиб, округ усмия, округ Ахмед-хана, Акушу и другие округи. Кызылбаши перебили и увели в плен много дагестанцев. После этого все дагестанцы из'явили им покорность, заключили с ними мир и выдали им много подарков; те вернули им пленных, а усмий кайтакский выдал за него (Тахмаза) свою дочь замуж. С ним же заключили мир, страха ради, Сурхай-хан и весь Дагестан. [46]

После этого он, Тахмаз-хан, возвратился в Муган; здесь он, призвав к себе ханов Аррана, местных главарей и их войска, об'явил себя, после заключения настоящего шаха Тахмаза в тюрьму, шахом, хотя он и не был царского происхождения. В это время у него находились посланники русский, франкский и индий-

ский, а также Гендж-Али-паша—комендант Ганджи до ее взятия им, Тахмазом, и другие. Эти лица желали иметь шахом кого-либо из потомков царей, но, не найдя его, разошлись. Однако, Тахмаз сумел угодить великому имаму тем, что убил главного из улемов (духовных лиц) за то, что тот поносил Абубекра и Омара, и тем, что переменил со своим войском свое вероисповедание, приняв для видимости вероисповедание суннитов. Он послал к великому имаму Али-пашу со льстивыми и фальшивыми словами. Устроив все это, он выступил со своими войсками из Мугана в Казвин, назначив перед этим Фатали-хана сердаром (главнокомандующим) от Тифлиса до Дербента. Итак, (Тахмаз) отвоевал Тифлис, Эривань, Нахичевань, Ганджу, Шемаху, Дербенд, Гумук и Кайтак до Жадарасана, в один год дважды брал Джар и Талу и Грузию, осаждал Карс в продолжении двадцати дней после того, как убил сераскира Абдулла-пашу, сына Кёрпули, несмотря на то, что в ней (крепости Карс) было бесконечное количество имамских войск. [47]

[В 1149 г. русское войско напало на крымцев и одержало над ними победу, но затем само потерпело поражение и заключило с ними мир. [48]]

После этого пришел Галега ансухский с дагестанскими войсками в количестве 1500 человек и остановился перед Шильдой. Правитель Хизиха, собрав кахетинские войска, вступил с дагестанцами в бой, продолжавшийся целые сутки, но потом помирились через посредников. Дагестанцы, оставив в крепости Шильды двадцать человек и аммуницию, двинулись в Каракалхан, где захватили много добычи. (Узнав об этом) сердар Фатали-хан, комендант крепости Тифлис, собрал кызылбашские войска в Эривани и Гандже и пошел против войска Галеги. Между ними завязался бой, который продолжался несколько дней, но потом разошлись из-за снега и больших холодов. Когда войска Галеги подошли к Шильде и узнали, что их люди (оставленные в крепости) убиты и их имущество разграблено, они направились против селений Шильды, Кареля и Гаваза, но им удалось захватить там лишь немного пленных

и добра, так как жители названных селений убежали в недоступные места. После этого они вернулись в Дагестан, за исключением немногих, оставшихся в Белокане. В эту самую зиму они ограбили стада Цахура, а именно сто голов у усмия, четыреста—у Лекдж-Али-султана, и около трех тысяч у других лиц, главным образом у Кырмызлу. С ними находились также и двенадцать молодых джарцев, которые часть награбленного вернули дагестанцам. [49]

В Ганджу прибыл во главе войска брат Тахмаза, Ибрахим-хан, и потребовал от Области надежных людей; джарцы, талайцы и мухаханцы послали ему по одному человеку и заключили с ним мир, не внося ему ничего: ни податей, ни заложников, ни чего другого; он же отпустил их посланцев в 1150г., в месяце близнецов. В это время между Джаром и Талой, с одной стороны, и Грузией, с другой, был мир, так же как и между Сурхаем и кызылбашами. Тахмаз осаждал в это время город Кандагар, в котором находились дети Мир-вейса с авганскими войсками и который раньше принадлежал кызылбашам. [50]

В месяц льва дагестанцы вместе с некоторыми джарцами, выступили в поход, держа путь в сторону Тифлиса, и там они захватили большую добычу. [51]

В начале (месяца) весов выступил Галега ансухский, пошел против жителей Ареша, перебил там много людей, взял в плен их детей, ограбил их имущество и убил много мужчин, и это несмотря на то, что арешцы были мусульманами и с ними были некоторые джарцы, которые потеряли при этом несколько человек убитыми. Затем, в начале месяца скорпиона, в середине осени (Галега) отправился в Белокан, а оттуда в Хизих, заключил с их жителями мир, а потом двинулся к реке Куре, но, наткнувшись по дороге на шпионов кызылбашей, вернулся из Б-р-да (?) в Шеку и осаждал в продолжении целого дня окопы кызылбашей перед Нухой. В этот день пришли войска Муртаза-Али, сына Сурхая, и остановились перед деревней Чардах. Узнав о вышеупомянутой осаде, названные войска поспешили на их помощь, не испросивши

предварительно божьего благословения, но войско Галеги убежало. Обе армии столкнулись у речки Агры; много воинов из армии Галеги было перебито и в руки кызылбашей попало очень много лошадей и оружия. Некоторые воины из отряда Галеги ограбили имущество Шеки, а некоторые храбрецы из них вместе с сыном Сурхая и Галегой вернулись и осаждали окопы в течение целых суток, но утром их разогнали воины Жадасарана и их союзники. В это время кызылбаши преследовали бежавших из окопов. Сын Сурхая, рассердившись и испугавшись, покинул окопы и ушел, но, уходя, его люди увели с собой очень много скота, принадлежащего как Шеки, так и Ханавлу (?). При обеих армиях были джарцы и талайцы. [52]

Затем сын Сурхая вернулся со своими войсками к себе домой, а Галега отправился в Белокан, где в то время находилось около трехсот дагестанцев, и они вместе грабили, нападали на кызылбашских купцов, на их подданных и уводили их в плен, начиная от Тифлиса и Карабаха и кончая Шекой и Ширваном.

В середине зимы на стада Казим-аги казахского напал отряд булкадарцев и увел их, но в это время явился (Казым) со своим отрядом и вступил с ними в бой; однако, булкадарцы увели его стада, а его самого здесь убили. Казим-ага был векилем Казаха, и он много добра сделал джарцам и талайцам: посылал им с купцами все, в чем они нуждались.

Хотя между джарцами, талайцами и кызылбашами и был мир, однако, грабежи и воровство с обеих сторон не прекращались, при чем иногда возвращали друг другу награбленное, а иногда нет.

В то время правителем Кахетии был до конца зимы Алимирза-хан, а после него—жена Тахмаза, сам же Тахмаз осаждал в это время Кандагар. Хотя в это время между джарцами, талайцами и кызылбашами и существовал мир, однако, никто не доверял друг другу, и хотя джарцы и не доверяли кызылбашам, однако, они, страха ради, обменивались с ними льстивыми посланиями. В эту зиму кызылбаши разрушили Хал-

хал и Хашмас и почти все время проливали кровь их жителей, уводили их в плен и грабили их потому, что те не захотели подчиниться. При таком положении дела отряд Галеги, приблизительно в сто человек, двинулся в месяце шаввале, против селения Халхал. Часть своего отряда он послал с пленными в Белокан, другая же часть, состоявшая из шестидесяти человек, осталась при нем. Вслед затем из Тифлиса пришли кызылбаши и осадили их (войска Галеги) в церкви; осада продолжалась семь дней, и так как те не могли ночью бежать из-за выпавшего в большом количестве снега, то они голодали и, поэтому, сдались кызылбашам, поверив данному ими аману и мягким словам, но кызылбаши увели их всех и в цепях отправили в крепость Тифлис. [53]

В месяце зу-л-кыде 1150 г. прибыл Керим-ага, векиль области (Казаха), на место брата своего, Казым-аги, будучи послан Ибрахим ханом, братом Тахмаза, а в середине весны прибыли от Ибрахим-хана люди, с которыми отправился в Кабрин(?) Галега со своим отрядом. Дела оставались в таком положении до 1151 года. [54]

В конце джумады ал-ухра (1151 г.), что падало на конец (месяца) весов, прибыл Ибрахим-хан, брат Тахмаза, с бесчисленным количеством войск, и расположился лагерем перед Кахом; здесь он устроил в продолжении четырех дней такие прочные окопы, какие другому не устроить и в месяц и двенадцать дней. Затем Ибрахим-хан передвинулся с Шапар-Шапура (?) к Шупанкулю (?), где провел целые сутки; оттуда двинулся к Хан-Каруху (?), где провел сутки, а затем к дальнему Чапуру(?) и Мамлуди(?). Во всех этих местах Ибрахим-хан устраивал окопы, при чем окопы он устраивал в одни сутки так, как другой не сделал бы и в месяц. Находясь в этих окопах, Ибрахим-хан вызывал к себе представителей Джары и Талы для заключения с ними мира, и те послали ему в подарок двух мужчин с двумя слугами; и он их принял, но мира не заключил. Это заставило жителей Талы бежать к Мактулу (?), жителей Жалбана (?) в Джамджар (?), население Катеха и Мацаха—в Пеш-гиль, часть була-джарцев—в Белокан, а

других—в Веркетиль (?) со стороны запада. После этого, в пятницу, в двенадцатый день месяца раджоба,, завязалось недалеко от Жалбана (?) сражение, продолжавшееся с полудня до заката солнца. В субботу явилось в Верхнее селение несколько человек из Джара, а войска кызылбашей распространились от Джара до Закатала. В крепости Амир-Ахмед находились некоторые джарцы и булкадарцы, но так как кызылбаши начали стрелять из трех пушек в ее самую верхнюю часть, то воинам, находившимся там, пришлось бежать,—это было во вторник,—в Верхнюю деревню, при этом они разделились на три отряда, из коих один пошел из Кабаб-Шуба (?), другой из Зариул-Навара (?), а третий — из Тукиль-Кязиба (?). В крепости и двух домах находились воины, которые при взятии крепости убежали из нее живыми и здоровыми. Кызылбаши распространились по селению, но в среду они ушли оттуда и погнались за теми, кто убежал из крепости и двух домов. К этому времени подошли обозы Катеха и Мацеха, находившиеся до этого в Бешгиле, и завязался бой перед горой Джаник(?). В этом бою кызылбаши были разбиты и обратились в бегство, потеряв убитыми Ибрахим-хана, главнокомандующего армией, Огуру-хана, Авшар-хана, Халхан хана, Беркусай-хана, моурава Хизихари, Керим-агу векиля Казаха, и других ханов, султанов и воинов. От них досталось много добычи, в том числе 1500 ружей, три пушки и другие вещи. Убежали также и коменданты окопов Каха, Шеки и Ширвана. После этого сражения джарцы и талайцы захватили округа Шеки и Каха. [55]

В это время происходила война между джарцами и талайцами, с одной стороны, и кахетинцами, с другой. Джарцы, талайцы, вся Область и войско Маладжа занялись перевозкой имущества, доставшегося от кызылбашей и армян, бежавших из Шеки в Шемаху и Б-рду(?). Джар и вся Область назначили правителем над Кахом и Шекой Мухаммед-бека, сына Али-султана с тем, чтобы он вносил определенное количество податей, а именно: тысячу пятьсот туманов с одной

только Шеки, со сложением с нее тысячи пятисот (туманов) за период управления кызылбашами и Сурхай-ханом. Усмий и Гедж-Али-султан убежали в Ганджу, а народ сжег их дома, угнал их мелкий скот и коров.[56]

В середине зимы могущественный и властный Муртаза-Али-бек, сын Сурхай-хана, собравшись с силами, выступил с дагестанскими войсками против окопа Шабрана и взял его после трехмесячной осады; при этом он захватил его начальника Абдулла-хана, его семью и родственников, взял богатую добычу и разрушил окоп. Правителем над округом Шабрана он назначил Карат-бека. Но еще до взятия окопа прибыл Сурхай-хан с тремя тысячами человек, и ему выдали казну Абдулла-хана, а Малладж с тремя тысячами воинов спокойно вернулся из Шабрана. Придя в Кабалу, он нашел, что кызылбаши уже заняли окопы Нухи и Кабалы.[57]

Сердар Сафи-хан с частью своего войска находился в Ареше, другую же часть он оставил на мосту Арза(?) для его охраны, так как округи Кабалы и Шаки не подчинялись ему. Малладж расположился лагерем в Кабале, а войско выступило с Мухаммед-беком против окопов Нухи, чтобы взять оставшиеся от кызылбашей пушки. Войско Мухаммед-бека осаждало окопы в продолжении пяти дней, после чего к ним на помощь пришел Малладж со своим отрядом. Он стрелял из пушек в окопы каждый день, стараясь сделать в них брешь, а жители Шеки давали войскам провизию.

В пятницу показались войска сердара Сафи-хана из Дехне. Увидев это, осаждавшие разбежались: одни в сторону Беладжика, а другие в сторону Дашюза. Спустя немного времени обе части вновь соединились, а затем одна часть выступила с джарцами против Байдара в Бошшалу, где в их руки попало много пленных мусульман и много имущества (скота), которое они частью продали жителям, а частью дагестанцам. После этого войско сердара Сафи-хана прибыло в Агри от Беладжика и нагнало разными известиями и пушками страх на джарцев и талайцев. Усми-бек послал с Али-султаном .... (пропуск в тексте?), и он остановился в Сарубаше(?), где

ему оказали помощь, но народ, по уходе Сафи-хана под Шабран, прогнал его в Кушкашай(?) и начал взыскивать штраф с тех, кто признал власть его (Али-султана) и кызылбашей. По взыскании штрафов, сожжении домов и захвате имущества, некоторые джарцы и вся Область, получив взятку, стали помогать Усми-султану и отстранению Мухаммед-бека.[58]

По прибытии Сафи-хана в Шабран, из него бежал правитель Карат, Сафи-хан построил окопы в Шабране и помирился с Сурхай-ханом и его детьми, после чего направился в Тифлис, но не успел доехать до Ганджи, как часть войска Джара и Талы выступила также по направлению к Тифлису, чтобы грабить и нападать. В это время вали Тифлиса Ханджал-хан находился в Гурхане(?) и Уч-Килисе, а войска Малладжа и всего Дагестана—у Шаншана неверующего, где занимались разрушением округа кызылбашей с его помощью. В руки джарцев и талайцев не попало ничего, и они ушли в горы Казака, чтобы грабить армян, и действительно они увели в плен много армян и захватили их имущество. Но когда они дошли до мейдана Казака, часть армии сердара столкнулась с тремя их отрядами, из коих отряд джарцев и талайцев состоял приблизительно из ста пятидесяти человек. Сразились, и в бою пало около десяти джарцев и талайцев и около трехсот кызылбашей; у джарцев и талайцев отобрали пленных армян и их имущество.[59]

Затем войско сердара выступило против войска Дагестана, стоявшего у Санаша(?); между ними завязался бой, продолжавшийся день или два и закончившийся победой войска ислама, которое вернулось с добычей. Дойдя до Ахмета, дагестанцы завязали бой сначала с кахетинцами, а затем с самим сердаром, но потерпели поражение, и дагестанцы обратились в бегство, оставив добычу на месте, при чем потеряли убитыми более двух тысяч человек. После этого сердар вернулся в Ганджу, где и остался, а его войска, казакцы, вернулись на свои места, джарцы же и талайцы продолжали воевать и сражаться. Это происходило в 1152 году.[60]

В начале осени 1153 г. сыновья Сурхай-хана выступили во главе дагестанского войска против Шемахи, и осаждали крепость новой Шемахи около месяца, но потом, будучи подкуплены жадасаранцами, попросившими амана, они разошлись. По возвращении в Дагестан, многие воины умерли от лихорадки.[61]

В 1153 г. в последних числах зу-л-хиджжи, во вторник, прибыл во главе большой армии сердар Мухаммед-Али-хан вместе с Каны-ханом афганским кандагарским и остановились между Джаром и Талой. Здесь они устроили в один час окопы, которые другие не сделали бы в месяц. Во вторник они вступили в местечко Джар и начали войну, которая продолжалась семь дней; по вечерам кызылбаши возвращались в свои окопы. В четверг, в последний день зу-л-хиджжи, кызылбаши двинулись в Верхний Джар и три дня разрушали его, после чего часть их спустилась в Сигнах-Катех, часть пошла из Катеха, а третья часть из Садули-Хира(?), где бой продолжался три дня, после чего город был взят кызылбашами и в их руки попали скот, имущество, коровы и провиант, и только два пленных. После этого (джарцы?) ушли в Печегиль и Нухи-гиль, не прекращая войны в течение пятнадцати дней. Это было в конце зимы.[62]

В Сигнах-Катеке было приблизительно четыреста воинов. Жители Джара убежали частью в Джурмут, частью из Райс-Шика(?) в Хачо(?), частью из Хум-Сордаба(?) в Загантала, откуда часть ушла в Зарни, часть в Хачо(?), часть в леса, около Джара, часть—в Аттал, а оставшаяся часть скрывалась незаметно в Рашке(?). В то время жители Жалбана находились в...... (пропуск?) джарцы и талайцы под Керилем, а окопы кызылбашей—в двадцати пяти ютга(?)........, занимая еще окопы в Садуль-Хире(?), Верхней деревне, Дарбасль-Кара(?) и другие между Джаром и Талой.[63]

19-го мухаррама (1154 г.) кызылбаши двинулись против Шамчара(?) и Сигнаха-Талалу(?) Жители Жалбана(?) бежали в отдаленные места, а жители Талулу(?) частью ушли на гору Кериль(?), а частью пошли из Какляба(?) в Хачо(?) и

Мухах. Талайцы и их подданные сражались на горе Кериле(? а их семьи убежали с вершины горы Осан-Османа(?), при че одна. часть их пошла по правой, а другая по левой доро от него. На вершине горы Кериля они устроили окопы д своих жен, но кызылбаши преследовали их до Хачо(?), и горе, перед дорогой, устроили окопы в одни сутки. Это был 22 мухаррама. Утром следующего дня кызылбаши вернули обратно, говоря, что „мы не имеем ничего против вас, но м преследовали только убежавших". В их руки попало мн го пленных, но некоторые подданные (джарцев) вернулись себе обратно, получив от кызылбашей аман. В это время вы пало так много снегу, что никто не мог ездить спокойно свободно. Кызылбаши взяли много пленных в районе Енисел а также из жителей Талы и в долине Далагана(?). Что касает ся жителей Хачо то они убежали с частью жителей Джар на вершину горы Кильмуша(?), где провели всю ночь. Утро подул сильный ветер и выпал снег. От холода умерло двад цать человек (джарцев), а из кызылбашей умерло в долин Далагана от сорока до пятидесяти человек, и там осталос много добра после живых и мертвых. В боях и от холод умерло на вершине Кыликеба(?) и в долине Далаган окол трехсот человек из жителей Талы и Енисели. Собравшис после этого из Белокана, с гор и ущелий, кызылбаши распо ложились в окопах Каха, что между Джаром и Талой, а по том все вернулись к Кануку, недалеко от Джалаира, откуд вела дорога к морю. Однако, через двадцать дней они верну лись обратно с тем, чтобы через двадцать дней снова уйти, и так до трех раз, при чем в третий раз они вырубили де ревья и виноградники и перебили овец джарцев и талайцев.[6]

После этого прибыл Хусейн-хан, брат Угурлу-хана с отрядами Карабаха, Шамшадина, Казаха и др. и занял око пы; другая часть их войска пошла навстречу шаху Тах мазу, который, прибыв в начале джумади-ал-авваля во главе своего войска в селение Кавкаб-Хосрокаб(?), в джумади-ал-ухра потребовал к себе на службу Сурхай-хана, выдав залож ником племянника Каны-хана, которого (Сурхай-хан) послал в

селение Расбаб(?), а сам отправился к Тахмазу с народом и всяким добром. Дагестанцы также попросили у Тахмаза мира и амана.[65]

В это время Аллаверди-хан кызылбаш стоял с четырьмя тысячами воинов перед Хачо; они пришли туда из Луджека Ихрека в Рул-д-б (?), а оттуда в Хачо(?), жители которых убежали в Умур(?) и Кусур. С кызылбашами заключила мир и Область. В то время кызылбаши находились у шамхала, окруженные дагестанскими отрядами, с которыми вели жаркие бои. Но как только Тахмаз прибыл в Гумук, он рассеял дагестанские отряды, окружавшие войска шамхала, и они ушли на свои места, дети же Сурхай-хана бежали со своими семьями в сторону Бухнуда.[66]

В это время жители Джара и Талы находились между Искилем(?) и Джамчаром(?) в лесах и долинах, занимаясь все время угоном кызылбашских лошадей из окрестностей окопов, лежащих между Джаром и Талой, и окопа Конак-Руха. В это время в Белокан пришли войска Кахетии и остановились перед Малькау(?), где взяли в один день пять пленных около Габали(?) и убили шестерых. Кроме того, они взяли еще семь пленных из Макилькана(?) в то время, когда мужчины находились в Кахете. В это время Тахмаз находился со своими войсками на горе Чох, а войска Каны-хана отправились в Мухуб(?) и Убух(?), которые они сожгли, и взяли в плен несколько человек из Авари Мукраха. Дагестанцы, собравшись, выступили из Авари-Мукраха в Жадасаран. Между жадасаранцами и кумухцами был заключен мир, и они выдали друг другу заложников. Такой же мир был заключен между ними и кусурцами, но, вместо людей, они обменялись лошадьми, но затем они нарушили мир и вступили между собой в войну, продолжавшуюся три дня, в течение которых было перебито три тысячи и захвачена большая добыча, тогда как дагестанцы потеряли всего сорок—пятьдесят человек. Тем временем прибыли со своими войсками Галега и Маладж, стоявшие у Шаншина, в районе Каракалхана, с того времени, как Галега бежал из Тибриза. В этот день был сильный

дождь, и им нечем было кормить лошадей, поэтому они были не в силах что-либо сделать против грабежей, которые совершали булкадарцы ночью, а потому они решили вернуться в Гумук, а затем в область Шабран и Дербенд, не прекращая все время резни и сражений. [67]

Тахмаз возвратился с половиной своего войска в Шабран, лишившись казны, имущества и почти всех вьючных животных, но дагестанцы не погнались за ними из Чоха и Сугурая. По уходе Тахмаза, вернулись и дагестанцы и те воины, которые были в пути из Кумука, Сарсала(?), Акуши, Кубачи, Кайдака и других мест. Это было в 1154 г. в начале осени. Тахмаз с уцелевшей частью своего войска вступил в Дербенд с позором, так как не мог отомстить дагестанцам, но он себя утешал тем, что он это сделает весной, когда соберет войска в Арране. По уходе Тахмаза с горы Чох, вернулись войска из Белокана, Джара, Ханакырха и Каха и испортили(?) путь к Кануку. Джарцы и талайцы вернулись в середине осени в свои селения, и в начале ша'бана каждый из них сидел уже в своем доме. [68]

Между кызылбашами и Областью, кроме джарцев, талайцев и жителей Хачо(?), было заключено перемирие, но спустя некоторое время и эти три селения заключили с Тахмуразом мир и выдали ему заложников: девять от Джара, шесть от Талы и четыре от Хачо. После этого Тахмураз отправился к шаху Тахмазу, находившемуся выше Дербенда. [69]

Джарцы и талайцы часто ездили в Гаваз, Кариль, Хизих и др. селения, чтобы покупать там пшеницу, кукурузу и соль, а некоторые джарцы ездили даже в Баруз(?), из-за прекращения..... [70]

Когда Тахмураз (снова) явился в начале зу-л-хиджжи, перед праздником, то заключил в тюрьму лиц, бывших в Гавазе, от Грима до Сабуда(?), вместе с заложниками, и убивал тех, кто был в лесах, ссылаясь на то, что (шах) Тахмаз не принял совета(?). Число заключенных из одного только Джара достигло двадцати, а число убитых—около двадцати пяти. Арестованных Тахмураз послал к Дели-хану, хакиму

Тифлиса, и к сердару Азербайджана, Фатх-али-хану, хакиму Ганджи. Когда заложники прибыли к Дели-хану, он потребовал людей (заложников) и от Джара, Талы и Хачо, и те послали ему по одному от каждого селения. Между нами и сердаром было заключено, в бытность его в Шемахе, условие, по которому мы согласились выдать ему в заложники двадцать пять домов: четырнадцать от Джара, семь—от Талы и четыре от Хачо (?), но, по приезде в Ганджу, он потребовал еще (новых) заложников от трех селений, и они ему послали двух мужчин. Между нами было заключено такое соглашение, какое мы заключили с Далу-ханом и Имам-кули-ханом. Из числа арестованных (сердар) выбрал десять мужчин и велел привести к ним их жен из Джара, что и было сделано, и он им отвел четыре дома. На этом соглашение и было заключено. Но, спустя немного времени, сердар пред'явил новые требования, а именно: он потребовал, чтобы во избежание бегства были выданы замуж шесть женщин за шесть мужчин, и мы их выдали и они вступили в брак между собой в Гандже. Спустя еще немного времени сердар пред'явил, по приказанию шаха Надира, новое требование—выдать ему четыре семьи с тем, что он, согласно заключенному в начале соглашению, вернет восемь человек из тех, которые находились у него; мы выдали их, а он вернул тех восемь человек . . . . (?). Все эти мужчины, которых он вернул, были знатного происхождения, а выданные ему семьи—низкого и простого происхождения и большей частью больные. [71]

В это время шахская армия находилась с сыном Ибрахим-хана на границе Кайдака в таком количестве, какого раньше не бывало.

Сурхай-хан отослал в Жатрух много денег и имущества со своей семьей, а дагестанцы, собравшись весной 1155 г., попросили мира, но мир не состоялся. Летом того же года, как только сын Ибрахим-хана прибыл во главе собранных войск с казной и большой провизией, шах Тахмаз двинулся из Дербенда в Дагестан и осаждал в течение трех дней селение Кудиль, и так как с кудильцами были одни только

куильцы(?), то, услышав о нашествии, дагестанцы попросили мира через Сурхай-хана и шамхала. Взяв у жителей Кудиля при заключении мира трех заложников и двух лошадей, шах Тахмаз ушел, оставив там обозы и верблюдов. [72]

Придя в Дербенд, шах Тахмаз остановился там со своими войсками. Вслед за этим он предложил через Сурхай-хана и шамхала жителям Хайдака, Акуши, Жадасарана и Гумука заключить с ним мир на условиях выдачи ему в качестве заложников молодых людей. Мир был заключен, и все выдали ему заложников, за исключением хайдакцев, которые вступили с ним в войну, продолжавшуюся до середины осени. После этого усмий хайдакский убежал в Хунзах, а хайдакцы—в Дагестан как из-за голода, так и из-за того, что никто, за небольшим исключением, не пришел им на помощь. Но и они заключили потом мир (с Тахмазом).

Когда войско Тахмаза ушло из под Кудиля, Галега и Малладж отправились с аварскими отрядами в Каракалхан к Амилахору и захватили большую добычу, но там был убит Галега. Вслед за этим явился сердар во главе большого войска и начались бои с переменным успехом, но, в конце-концов, они(?) преодолели; аварское войско с большой добычей и благополучно возвратилось из Арнани(?) в Дагестан. Малладж, при котором было около двухсот человек, не ушел, а остался у Амилахора всю зиму, до весны, сердар же вернулся в Ганджу, а оттуда в окоп у Бальхуля(?), откуда потребовал от джарцев, чтобы они прислали к нему остальные семьи, и они их выслали; при этом было убито только двое. Так дела продолжались до середины зимы. После этого джарцы выдали еще три семьи и заключили мир. За это время джарцам и другим приходилось часто ездить в Гаваз и Хизих для покупки пшеницы и кукурузы, так как тагар пшеницы стоил там три алтуна, тогда как в Джаре он стоил двенадцать алтунов. Но когда было убито десять джарцев в местечке Боятане и уведено двадцать лошадей, купцы перестали ездить туда. [73]

На Терек пришли русские, часть которых осталась там, а часть ушла. Ушел и шах Тахмаз со своим войском в Багдад,

оставив обозы, тяжести, тощих животных и все вообще, что находилось между ним и дагестанцами. [74]

Вслед за тем пришел в Топ-Кара-агач, после отстранения Фатх-али-хана, сердар Азербайджана ал-Хаджи-хан и потребовал от джарцев людей (в залог), и они послали ему двоих. В это время было запрещено продавать джарцам, талайцам и другим провиант во всем Азербайджане, но Хизих продавал тайно. Между ними и Тахмураз-ханом, правителем Кахетии, был заключен мир, и запрещение было снято. Из Джара и Талы ушли из-за голода в Гаваз и Хизих к своим знакомым все мужчины, женщины, мальчики и девочки; там некоторые пасли свиней, другие попрошайничали, а третьи поступили в слуги. [75]

Это продолжалось до конца зимы, павшего на месяц мухаррам 1156 года. После этого ал-Хаджи-хан выступил во главе большого войска из Топ Кара-агача против войска Малладжа и Амилахора, воевал с ними, захватил в области, лежащей между Тифлисом и Байдаром, большую добычу и вернулся с богатой казной. [76]

Летом победоносный имам ислама присылал неоднократно джарцам, талайцам, к усмию хайдакскому, к сыну Сурхай-хана, к Ахмед-хану и к сыну Ума-хана письма, в которых сообщал, что шах Тахмаз просит у него себе в жены его дочь и (требует выдачи) бежавшего к нему сына того шаха, которого он убил. „Он требует также, — писал султан,—чтобы я отрекся от одного из четырех столбов дома божьего, т. е. чтобы я признал истинной джафаридскую веру. Сказано: „убивайте их там, где ни застигнете их“, ибо они, пред‘являя такие требования, показали себя несомненно неверующими“. [77]

В 1156 г. от шаха Тахмаза, в то время, когда он находился около Багдада с целью отвоевать у имама ислама некоторые города, отложились некоторые области, а именно: Ширван, Шемаха и Шека, под влиянием слов кызылбашей из Тебриза и перешли на сторону шах-заде-султана, находившегося у сына Сурхай-хана с тех пор, как он убежал от Тахмаза, который отрезал ему уши и нос. Представители Ширвана

и всего Аррана, а также Сурхай-хан со своим сыном предложили ему быть у них главой. С разрешения Сурхай-хана, шах-заде выступил вместе с сыном Сурхай-хана в Ширван во главе приблизительно тысячи пятисот человек, сам же Сурхай-хан выступил в конце лета в кубинский Мускур и Табасаран во главе тысячи человек, после сбора хараджа и отсылки его в Гумук. Против армии шах-заде и сына Сурхай-хана выступила собранная в Арране армия под командой ал-Хаджи-хана, Ашур-хана и Фатали-хана. Сын Сурхай-хана с гумукцами бежал без боя, а другие остались в крепости Шемахи. Сражение продолжалось три дня, и часть (гумукцев) была перебита, а часть бежала; бежал к войскам османов и шах-заде со ста приблизительно воинами, его слугами из кызылбашей. В это время же бежал и Сурхай-хан от Мухаммед-Али-хана, правителя Дербенда.[78]

Тем временем мусульманские войска, в количестве 50 тысяч человек стягивались к Карсу под командой Ахмед-паши, сына Ханбала, и брата сына шаха (sic) Шах-Сефи, спасшегося благополучно бегством от Тахмаза к султану. Как только племянник шаха Сефи прибыл в Чагургур(?), он был арестован и заключен вместе со своими слугами Тахмураз-ханом, который находился там с войсками Кахетии, кызылбашами и войсками Кареля и Тсбелеля, ведшими войну против Амилахора, на стороне которого был весь Дагестан. Тахмураз отослал (арестованного) со своим сыном к Насрулла-мирза Хабибу, который находился в то время около Барды, а тот отправил его в Карс, выколов ему предварительно глаз. В этот промежуток времени джарцы и другие люди Области захватили большую добычу в Карабахе, Казаке и Ирлуве(?).[79]

В это время между Тахмураз-ханом и джарцами и талайцами были мир и согласие, и последние покупали у кызылбашей пшеницу и ячмень. В это же время Юсуф-паша неоднократно посылал в Джар и Талу письма, с известием о приближении османской армии; такие же письма он посылал к усмию кайдакскому, к сыну Сурхай-хана и другим. В это же время была получена от высокой державы (Турции) казна

приблизительно в сто мешков для усми-хана, Ахмед-хана и для сына Ума-хана.

С казной прибыл к Кануху Ибрагим-паша во главе приблизительно трех тысяч человек и, по доставлении казны, немедленно благополучно вернулся обратно к султану с представителями от всех вышеназванных лиц. Вслед за тем к султану приехали с его посланцами люди от Джара, Талы, от сына Сурхай-хана и от усмия кайдакского, и султан послал с ними сто мешков сыну Сурхая, шесть мешков Сурхаю, двадцать—Джару и Тале, шесть—Мухаммед-беку, сыну Алибека и восемь Маладжу. Все суммы были доставлены Юсуф-пашей в начале весны; он оставался там до начала лета из страха перед войсками Тахмураз-хана, который с большой армией следил по приказу (шаха) Тахмаза за дорогой, чтобы захватить казну.

Когда кончился срок перемирия между ним (Тахмураз-ханом) и джарцами и талайцами, последние угнали с божьей помощью, лошадей сторожевого отряда Топ-Кара-агача, и захватили большую добычу в Хизихе.

В это время Тахмаз, помирившись с Али-пашей, комендантом крепости Багдад, сражался в вилайете Керкут, затем пошел в Мосул, а оттуда, после поражения, которое нанес ему Ахмед османский, вернулся в свою страну.

В эту зиму Тахмураз-хан выступил с кахетинскими войсками против тавада Амилахора и нанес ему поражение, после которого тот бежал к Юсуф-паше, оставив свои владения в руках Тахмураза. Но, спустя немного времени, он возвратился в Кахетию против Тахмураза с османскими войсками и булкадарцами, а также с отрядами Караделя(?) и Тебеделя, но и на этот раз был побежден Тахмуразом, который после этого возвратился в Кахетию, оставив триста человек в трех крепостях. Спустя немного времени, Амилахор снова явился со вспомогательными войсками Юсуф-паши и Маладжа, одержал победу и вернул свои владения. Что касается Тахмураза, то он оставался со своими войсками в своих границах до весны 1157 г. [80]

В эту весну Юсуф-паша перевез вместе с Малладжем и войсками всю казну Амилахора к Тифлису. Между Юсуф-пашой и джарцами и талайцами было условлено собраться со своими войсками под Тифлисом в течение двадцати дней, Тахмураз же, во главе большой армии, находился в Чагургуре (?) преграждая дорогу. В этом месте произошла встреча обоих армий, и между ними началось сражение, в котором был убит Маладж. Победителем вышел Тахмураз, а Юсуф-паша бежал с казной и благополучно добрался до Хасхая, где и умер собственною смертью, а его место занял его отец, Исхак-паша. [81]

После этого Тахмаз двинулся к Карсу и устроил выше его крепости три окопа и запрудил реку, а османы устроили вместе с сыном шах-заде, который явился просить помощи у имама мусульман против Тахмаза, шесть окопов. Здесь шах-заде простоял три месяца, все время сражаясь, а в начале осени рассеял несколько румских (турецких) отрядов, рассердившись на сердара за то, что тот не позволил войскам сражаться и не выдавал им провианта, так как он заключил тайно мир с Тахмазом, что позволило части армии последнего вступить в крепость, но бог обнаружил его (сердара) тайные замыслы, после чего его отстранили. После этого прибыли новые многочисленные (турецкие) войска, и Тахмаз ушел в Бардали. [82]

Прибыв в Казак, Тахмаз послал часть своего войска грабить имущество джарцев и всей Области, но в их руки попал лишь мелкий скот Мухаха, Мишлиша и Джиника. Все войска (Тахмаза) собрались в Барде, а верблюдов и обозы он отправил в Муган. Другая часть войска пришла с самим Тахмазом в Бабаратму, где они и расположились лагерем. Часть войска Тахмаз послал против Шеки, которая вместе с ее начальником, Хаджи-Челеби нухинским, и Ширваном, отложилась от него. Здесь войскам приходилось сражаться каждый день в продолжении более месяца. Однажды Тахмаз явился со своими войсками в Гой-Нук, но ему ничего там не удалось захватить, потом он пришел к окопам Нухи, долго

там сражался, но взять не мог, хотя и сжег Шеку, убил несколько человек, взял несколько человек в плен и ограбил часть их имущества. Но все же они сохранили свои окопы, хотя и голодали. [83]

После этого (Тахмаз) направился во главе своей армии в Муган. Между кызылбашами и жителями Области настали мир и согласие, так что начальствующие лица Области часто ездили к Тахмазу и возвращались от него благополучно. Ездили они в горы Ираван и в Ареш к его сыну, где собрались представители Акуши, Жидиха(?) и др., а также представители области Цахура, представители Кахетии, сам Тахмураз, ханы и представители всех городов. Еще до прибытия в Ареш, Тахмураз осадил крепость Амилахора, которая и перешла к нему на условиях дачи клятвы и амана. Тахмураз захватил всю область Амилахора, а самого владетеля доставил в Тифлис после того, как выколол ему глаза. [84]

Летом этого же года Тахмаз отправился со своими войсками к Хорасану, назначив перед тем правителем в Азербайджане Хаджи-хана, в Эривани—Мустафа-хана, в Тифлисе —Тахмураза, а в Кахетии—его сына, Эрекли-хана [85]

Шемахинский хан попросил у Хаджи-Челеби мира и дружбы, и тот выразил на это свое согласие, после чего послал своего сына к Тахмазу, зимой 1159 года, из страха перед тем, что могло случиться в будущем, но потом сын его вернулся, получив от Надир-шаха сорок туманов для своего отца, векиля. [86]

В 1160 г., в начале весны, Надир-шах ушел в сторону Сеистана, где между ним и сеистанцами происходила жестокая война. [87]

Вслед за тем он (Надир-шах) наложил на страны Ирана тяжелый харадж, значительно превышавший прежний, вследствие чего Тахмураз-хан, правитель Тифлиса, отложился, покинул город и бежал в сторону Гурханы(?) с представителями города, со своим сыном, Эрекли-ханом, с грузинами, а также с шекинцами и ширванцами. [88]

Затем он(?) перешел в Шемаху, где находился Али-хан со своими хоросанскими войсками, приблизительно в 2300

всадников, стянутых туда для защиты и охраны Шемахи. С этими войсками прибыл в Шеку брат Надир-шаха, которому по его приказанию выкололи глаза за неповиновение. От него (Надир-шаха) отложились из-за тяжести хараджа и Ганджа, и Самух, и Эривань, и другие города, и подданные Аррана.

В то время сердар Сеистана убил Али-Фатали-хана, а между Тахмураз-ханом, правителем Тифлиса, и Эрекли-ханом, правителем Кахетии, и Джаром и Талой, был мир и согласие, но вскоре вспыхнула между ними война, и в Шеку прибыл Сурхай-хан со ста воинами с требованием (к себе) Хаджи-Челеби с шекинцами, Сафар-Али с представителями Али-хана Каджара и Хаджи-Мухамед-Али с представителями Шемахи, Ширвана и Ареша. Все они признали над собою его власть и поднесли подарки (бешкеш), но спустя некоторое время, когда Сурхай отправился в Казмаллар(?), чтобы построить там городок, между ним и Хаджи-Челеби возникли несогласия. Сурхай-хан отправился в Джитрих, где заболел лихорадкой и умер. Да помилует его бог. [89]

После этого, сын Сурхай-хана собрал войска в Дагестане, чтобы отомстить Хаджи-Челеби; он двинулся в кубинский Мускур, где поссорился с кубинским ханом, с султаном Дербенда и другими и вступил с ними в войну, но из-за малочисленности своих войск вынужден был удалиться в Гумук, откуда послал Ахмед-хана муганского в Муган, чтобы разузнать там кое-что о кызылбашах. Представители Ганджи, часть которых находилась при нем из страха перед кызылбашами, обратились к Хаджи-Челеби с просьбой приехать в Ганджу, и он отправился к ним в середине лета 1160 г. вместе с Али ханом Каджаром, и оба там остались. [90]

В это время в городе Ардебиле появился человек по имени Сам-шах, который раньше скрывался у Коджахана в Карадаге. Он выдал новые владетельные грамоты ханам Азербайджана. Как только он появился, один телохранитель убил Надир-шаха при участии Али-хана, сына Ибрагим-хана, Хусейн-хана и Мухаммед-кули-хана, начальника караула.

Убийство произошло после того, как стало известным приказание Надир-шаха Хусейн-хану—убить Али-хана и Али хану—убить Хусейн-хана. Узнав об этом приказе, ханы посоветовались с Мухаммед-кули-ханом и решили предложить Али-телохранителю убить его (Надира), а тот хитростью и обманом убил троих из них. Когда об этом узнали авганские войска, разгорелась война между ними и кызылбашами, которые раньше сами хотели убить его. По смерти (Надира) рассеялись его войска, Хусейн-хан захватил его казну в Келате, а Али-кули-хан занял область Хорасан, где его провозгласили шахом, и он убил всех его детей (Надира). [91]

В это время Амир-Аслан-хан был в Эривани, а Али-хан, находившийся раньше при Хаджи-Челеби, в Тавризе, где он заключил в тюрьму Сам-шаха и выколол ему глаза по приказанию Амир-Аслан-хана, округ же Азербайджан остался без правителя до 1161 г. [92]

В это же время начальником Шемахи был Хаджи-Мухаммед-Али, Кабалы—Сафар-Али, Шеки—Хаджи-Челеби, а Ганджи—векиль Мухаммед-Рахим, (занявший эту должность) после бегства Хаджи-Челеби в Шеку из страха перед векилем; правителем Грузии—Эрекли-хан, который сидел в Тифлисе со времени от'езда своего отца, Тахмураз-хана к Надир-шаху до получения известия об его убийстве.

Между Эрекли-ханом и Абдулла-беком, выдавшим Исхак-паше, в бытность его в Тифлисе, племянника Вахтан-хана, происходили споры и война. Абдулла-бек находился в крепости с 1500 дагестанцев, а у Эрекли-хана было в городе Тифлисе триста человек из Ансуха и других мест. [93]

После этого явился сердар Амир-Аслан-хан, выдавая себя за шаха азербайджанского; он выдал грамоту на Ганджу Мухаммед-кули-хану, на должность наиба Шемахи Ахмед-хану муганскому, находившемуся раньше при Сурхай-хане, грамоту на Шеку—Хаджи-Челеби и грамоту на Эривань—Казим-хану.

Сердар вызвал к себе представителей Джара, Талы и других селений Области и всего Дагестана, а Ахмед-хан муганский

вызвал в Шемаху войска Дагестана, и (к нему) отправились из них те, которые стояли в Белокане и Кахетии. Жители Шемахи были с ним в согласии, тогда как Хаджи Мухаммед-Али, Сафар-Али, Абдуррахман и Агам-кули были против него и находились в бегах на вершине Кабалы. Когда в Ареш прибыл из Барды Амир-Аслан-хан, то жители его (Ареша) убежали, но за ними погнались его войска, перебили многих из них, многих взяли в плен и ограбили почти все их имущество. Сын Хаджи-Челеби следил за ними (войсками Аслан-хана) с сотней шекинцев, опасаясь их коварства. Вслед за тем армия Хаджи-Челеби встретилась с кызылбашами и вступила с ними в бой, в котором кызылбаши были разбиты; они убежали к другому войску, но потом вернулись, убили (сына Хаджи-Челеби) и сорок молодцев из его армии. Узнав об убийстве, Амир-Аслан-хан выразил сожаление и послал его отцу его голову, завернутую в разноцветную ткань, вышитую золотом и серебром, с письмом, в котором выражал свое сожаление по поводу случившегося и просил прислать к нему другого сына, что тот и исполнил.

Второй сын, провел у него некоторое время, но потом вернулся с разрешения (Аслан-хана) к отцу с подарками, состоящими из халатов, золота и серебра, стоимостью приблизительно в триста туманов. Шекинцы вступили с ним (?) в союз и он (?) послал войска убить его; взяли многих в плен, пролили много крови, награбили и причинили много вреда как шекинцам, так и жителям Ареша. После этого Амир-Аслан-хан расположился со своей армией, состоявшей из тридцати тысяч человек, в Язиде (?)[94]

Абдулла-бек прибыл в Ганджу и потребовал от его жителей войск. Он назначил правителей для нее, для Тифлиса и Кахетии, составил отряд из приблизительно 1800 воинов, с которыми были Мухаммед-кули-хан, Казим-хан и Али-хан. Областям Цахуру, Джару, Тале и Джинику он приказал выступить вместе с упомянутыми лицами для завоевания Грузии.

Абдулла-бек послал с сыном Хаджи-Челеби тридцать человек в Шеку с требованием прислать нукеров (слуг). По прибы-

тии Аслан-хана из Барды и Ахмед-хана муганского из Шемахи, армия выступила по направлению к Тебризу. Когда войска Абдулла-бека прибыли в Ганджу, Хаджи-Челеби убил тех гонцов, которые приехали в Шеку за слугами, и отложился от кызылбашей. Армия (Абдулла-бека) выступила в Тифлис имея в своем составе войска Джара и булкадарцев, и вступила в соглашение с минбаши (полковником), комендантом крепости Тифлис, но он обманул и предал ее, а затем бежал вслед за Амир-Аслан-ханом и убил некоторых. [95]

К нему (Аслан-хану) прибыл Ибрахим-мирза, сын Ибрахим-хана, с большими отрядами, после того, как он разошелся со своим братом, Али-кули-ханом, известным под именем Адиль-шаха. Об'единившись, они пошли войной против Али-кули-хана, победили его, заключили его в тюрьму, а потом выкололи ему глаза и захватили его казну, после чего большая часть его войска перешла к ним.

Вернувшись и прибыв в окрестности Тебриза, Ахмед-хан муганский, Шах-верди-хан, правитель Ганджи, и сын Сурхай-хана велели всем дагестанцам, джарцам и талайцам выступить на помощь Абдулла-беку. Минбаши сдал крепость (Тифлис) и крепость Халвар сыну Абдулла-бека, и тот занимал их в продолжении трех месяцев отрядом в тысячу человек из своего округа и из Дагестана. С ними был Зобейдлу анцухский. Но так как никто, кроме османов, не пришел ему на помощь и так как дагестанцы покинули крепость, то минбаши и сын Абдулла-бека с теми, кто был с ними в крепости, оказались не в силах отстоять ее и поэтому сдали ее Эрекли-хану, который заключил в тюрьму минбаши и сына Абдулла-бека. [96]

Таково было положение дел до конца осени конца 1161 года. Между джарцами и талайцами и Шах-верди-ханом, правителем Ганджи, царило в это время полное согласие, тогда как между ними всеми и Грузией происходили ожесточенные бои. Как-раз в это время Ибрахим-мирза, сын Ибрахим-хана, прибыл в Тебриз с требованием признать его шахом. Он вызвал к себе всех ханов Азербайджана, и они признали его

шахом, а он раздал владетельные грамоты даже и Хаджи-Челеби; Джар и Тала получили грамоту на Енисели.

В конце зимы 1162 года Ахмед-хан муганский, разойдясь с Ибрахим-шахом, прибыл в Шемаху и остановился в Старой Шемахе с большой армией и ополчением. Заключив союз с Хаджи-Мухаммед-Али, со всеми жителями Шемахи и с Хаджи-Челеби, Ахмед-хан выступил в начале лета против города Шемахи с целью захватить его. Ему оказал помощь сын Сурхай-хана, послав подкрепление из своих людей. Жители Шемахи и Ширвана, соединившись с Хаджи-Челеби и шекинцами, выступили навстречу. Между ними завязался бой, в котором были убиты Риза-кули-хан, брат Ахмед-хана муганского, Баку-хан и Ахмед-хан. С обеих сторон пало много людей, и от убитых досталась большая добыча. За пять дней до этого ополчение разбежалось частью в сторону Мугана, а частью по направлению к Шабрану, но никто из них не дошел благополучно до своего места.[57]

В 1162 г. Мухаммед-хан, убийца падишаха (Надира), прибыл в Эривань с требованием принять его в качестве правителя (хакима), но его не приняли. Тогда он обратился за помощью к Панах-хану и Хаджи-Челеби, прося, чтобы они выступили со своими войсками, но те потребовали, чтобы с ними выступили также и джарцы и другие воины Области. Жители же Эривани обратились за помощью к Эрекли-хану и Тахмураз-хану, прося их придти со своими войсками в Эривань. (Эти последние) потребовали (выдачу) Мухаммед-хана, захватили его казну и семью, а сам он убежал к Панах-хану и Хаджи-Челеби.

Когда оба эти хана добрались до Шамхора, Мухаммед-хан направился со своим отцом в сторону Сыных-Кöрпи, и они остановились со своими войсками у Карабулаха. Туда к ним отправились Хаджи-Челеби и Панах-хан и расположились недалеко от них; тогда Эрекли-хан и Тахмураз-хан предложили им заключить с ним и мир.

В это время войска Области выступили, во главе с Мухаммед-беком, в селение Вакир, сожгли его и, захватив большую

добычу, вернулись в Урда-аг'из, намереваясь утром выступить против Машхаана и Мирзаана, но в это самое время наши люди, которые были с Панах-ханом и Хаджи-Челеби, прибыли с письмом (в котором говорилось), что обе армии согласились заключить мир с условием, чтобы грузины вернули Мухаммед-хану его семью и его казну. Это было принято и войска неверующих вернулись в Грузию, а войска Области вернулись недовольными в свои деревни и спокойно и безопасно жили в своих домах, хотя война между Джаром и Грузией не прекращалась. [98]

После этого Панах-хан выступил против Ганджи с целью захватить ее и остановился в Килискенте. Кто мог—собрался тогда в крепости, остальные же жители города и армяне остались (вне крепости), и войска Панах-хана захватили у них много добычи.

В это время Шах-верди-хан обратился за помощью к Джару, Тале, к Хаджи-Челеби и Эрекли-хану, а Панах-хан потребовал к себе главарей Джара и Талы и Хаджи-Челеби, и когда все прибыли к нему, он их примирил между собой, обязав Шах-верди-хана выдать Панах-хану триста туманов и сто туманов от Килискента. Панах-хан отказался от претензии на крепость (Ганджу), и помирившиеся разошлись.

Через три дня прибыли в Ганджу, во главе большой армии, Тахмураз-хан и Эрекли-хан. Условием мира было—помешать им требовать Риза-кули-хана, на что согласился Хаджи-Челеби, но они погнались за ним к Аразу(?). Панах-хан бежал от них и переправился через Араз(?). При Эрекли-хане находился сын Хаджи-Челеби с тремя стами воинов, и он двинулся к Ар-шу (?) на помощь неверующим. И разрушили они вместе район и жилища Панах-хана и пролили много крови у его несчастных жителей, взяли пленных и произвели грабежи. Лишь после того, как Панах-хан спасся бегством, они вернулись на свои места, сделав все, что хотели. После этого Мухаммед-Али-хан Бай-Ахмедлу, находившийся при Панах-хане, отправился к Хаджи-Челеби, и тот выдал ему владетельную грамоту на владения Панах-хана, но спустя

немного времени он бежал из своего владения со всеми своими в сторону Кабалы.

Эрекли-хан неоднократно обращался через Мухаммед-бека к джарцам и талайцам, захватившим большую добычу во время преследования Панах-хана, с предложением заключить с ним мир. Представители Джара, Талы и обоих Мухахов отправились с Мухаммед-беком в Тифлис, чтобы заключить мир, и мир был действительно заключен с условием выдачи друг другу заложников. Договор оставался в силе до осени, когда дагестанцы, явившись в количестве восьми тысяч, потребовали от джарцев и талайцев, чтобы они выступили с ними в поход против Грузии, обещая остаться зимой в Белокане, чтобы оказать им помощь.

Джарцы и талайцы потребовали себе военачальника за неимением своего, а войска булкадарцев жаловались на голод и, поэтому, в поход на неверующих они одни не пошли. Джарцы и талайцы выдали им провиант в количестве пятидесяти тагаров и стали звать к себе Хаджи-Челеби, но он не явился, сказав, что „между мною и Эрекли-ханом существует мир, скрепленный клятвами и аманом, и я его не нарушу. Кроме того, я,—говорил он,—не полагаюсь на дагестанские войска, так так они не отличаются справедливостью и правдой, не соблюдают договоров и соглашений, никого не слушаются и не различают между дозволенным и запрещенным“. После этого, они (джарцы) попросили к себе сына Сурхай-хана, но он не явился, так как не полагался также на дагестанские войска. Не откликнулось и войско Дизика(?) тандийского, как оно обещало. Тем не менее джарцы, талайцы и мухахцы выступили в месяце зу-л-хиджже 1163 г., до заката, в Джугаан и сожгли его вместе с его крепостью, в которой находились люди, а ночью вернулись к берегу Канука. С закатом они отправились в Тибаан и Машхаан, и сожгли Тибаан и половину Машхаана в то время как войска Области находились недалеко от Тибаана, наблюдая за армией Эрекли-хана и Тахмураз-хана. Со стороны Машхаана появилось, с целью принять участие в боях, пятьдесят человек неверующих, (при

виде) которых дагестанские войска бежали к войскам Области, пробыли там до вечера, а потом отправились в Топ-Кара-агач, где провели одну ночь. После этого дагестанские войска ушли без согласия Джара и Талы, по направлению к Казаху, а войска Области и дагестанские пехотинцы возвратились...[99]

Примечания.

[1] В оригинале текст не имеет никакого заглавия и следует непосредственно за „Постановлениями собрания в Агдаме", напечатанными во второй части настоящего издания. В виду того, что „Хроника" служит до некоторой степени вступительной статьей, она помещена здесь перед „Постановлениями".

[2] Весь первый абзац принадлежит, видимо, не автору хроники XVIII в. а лицу, переписавшему ее уже в начале XIX столетия, и заключает в себе намеки на события этого последнего времени: после взятия штурмом, 21 марта 1803 г., Белакана, русско-грузинский отряд, под командой ген. Гулякова, предпринял наступление на Джар, сдавшийся без сопротивления 10 апреля = 17 зуль-хиджжа 1217 хиджры. *Через три дня* отряд вернулся к броду Урдо на Алазани, где затем и был выстроен редут Александровский. Крепость в Закатале, над сел. Джар, была основана в марте 1830 г. = рамазан 1245 хиджры. Как здесь, так и всюду дальше в примечаниях, европейские даты указаны по новому стилю, при чем перевод мусульманских дат на европейские сделан по таблицам Вюстенфельда и Малера.

[3] 1118 хиджры = 15 апреля 1706—3 апр. 1707 г. Текст изобилует географическими названиями, которые в передаче арабским письмом, в большинстве случаев без огласовок, не всегда могут быть читаемы с уверенностью и потому снабжены в переводе знаком вопроса. Селения Бисинджаг на современных картах не имеется; оно находилось, как видно из последующего, где-то близ границ джаро-белоканских земель.

[4] 1120 х. = 23 марта 1708—12 марта 1709 г. О борьбе кахетинского царя Имам-кули-хана = Давида III (1703—1722) с джарцами много говорят грузинские источники, особенно Вахушти, Сехния Чхеидзе и др., дающие параллели к хронике джарского автора и во многом его пополняющие и об'ясняющие. Их рассказы проливают некоторый свет и на социальную сторону борьбы. С конца XVI и в XVII веке начинаются попытки аварских обществ, в то время живших еще, повидимому, в сильной чересполосице с грузинскими,—высвободиться из-под власти грузинских феодалов. В этой борьбе аварское и грузинское крестьянства являлись естественными союзниками. Под влиянием прилива новых сил из Дагестана, организация аварских и цахурских общин шла быстрее и успешнее и они шли во главе борющейся крестьянской массы, но в то же время все более обособляясь этнически. К исходу XVII и началу XVIII в. грузинские феодалы окончательно теряют

свое влияние на них. Мало того, часть грузинского крестьянства и даже землевладельцев-дворян теряет свои религиозные и национальные особенности, сливается с аварцами и цахурцами и этим несколько меняет дальнейший ход процесса: освободившиеся „лезгинские" общины, впитав в себя значительное количество чуждых крестьянству элементов, внесших с собою еще не вполне ликвидированные феодальные отношения к своим вассалам, отрываются от прежнего союза с грузинским крестьянством и постепенно превращаются в самодовлеющие организмы, начинающие все больше эксплоатировать своих прежних соратников. В начале XVIII в. это положение хотя и ясно оформилось, но некоторые следы прежних отношений еще сохранились. Неоднократно, например, кахетинское крестьянство, угнетаемое феодалами, обращается за помощью к джарцам и совместно с ними разрушает замки дворян. К этому движению, когда оно бывало направлено против высших феодальных слоев, примыкали иногда даже представители мелкопоместного дворянства. Аварские общины, пользуясь своим посредническим положением, улучшают свою военную организацию и превращают войну в постоянное доходное производство. На этой стадии происходит окончательный разрыв их интересов с интересами кахетинского крестьянства, и во второй четверти XVIII в. аварские общины строят свое экономическое положение целиком, во-первых,— на феодальной эксплоатации подпавших под их власть грузинских заалазанских селений, которые формально становятся их вассалами, а во-вторых,— на получении военной добычи и доходов от продажи пленных, захватываемых во время то самостоятельных набегов, то бесконечных феодальных войн, раздиравших тогда Кахетию и Карталинию. В этих войнах аварские отряды нередко оказывались в составе обеих воюющих сторон одновременно. С конца переходного времени автор и начинает свою хронику, но не упоминает, как это делают грузинские источники, что в это время проводниками и союзниками аварцев в их набегах на крепости и замки кахетинских дворян все еще нередко служили кахетинские же крестьяне, что давало возможность аварцам легко проникать далеко вглубь Кахетии. Не лишено вероятности предположение, что в начале XVIII в., под фирмой „лезгин" скрывались порою и кахетинские крестьянские отряды. Обзор дальнейшей дифференциации и социального расслоения в среде аварских и цахурских обществ не входит в нашу задачу.

[5] 1124 х. = 9 февраля 1712—27 января 1713 г. Вахдан-хан = Вахтанг VI. Он правил Карталинией в 1703—1711 в качестве сначала заместителя последовательно царей Георгия XI и Кайхосро, потом в качестве царя (1711—1714), был затем отрешен шахом, но по принятии мусульманства под именем Хусейн-кули хана вновь восстановлен (1716—1724), а по занятии Грузии турками бежал в Россию и более в Грузию не возвращался. Хизих— кахетинская область Кизик, на правом берегу Алазани, входившая в состав кахетинского царства, но управлявшаяся отдельными моуравами из рода Андроникашвили. Центром этой области была группа селений по склонам Сигнахской горы; в числе их находится и Джугаан[и], кил. в 6 к в.-ю.-в. от нынешнего города Сигнаха.

[6] 1127 х. = 7 янв.—26 дек. 1715 г.; 1129 х. = 16 дек. 1716—4 дек. 1717 г. Грузинские источники не говорят о дани джарцам, но подтверждают заключение мира, в число условий которого входило обязательство пропускать отряды джарцев и др. в Карталинию, Ганджу и пр. Названия Хачо на картах нет. Что касается сел. М-г'ран, то одно селение с таким названием имеется к с.-в. от Телава, но о нем не может идти речь, так как оно слишком удалено от района столкновений джарцев с кахетинцами. Туман этого времени представлял ценность около 360—370 гр. серебра.

[7] 1130 х. = 5 дек. 1717—23 дек. 1718. Неожиданность упоминания дагестанцев в Белокане указывает как будто на пропуск переписчиком фразы текста. Не вполне ясен смысл и следующей за этим фразы. Гаваз[и] —крупное селение, состоящее из нескольких частей, на левой стороне Алазани, но Сабуд остается неопределенным, если это не Сабуэ близ Шильды, кил. в 20—25 к с.-в. от Телава. Имам-кули-хан умер в конце 1721 или в начале 1722 г. (ср. М. Броссе Hist. de la Géor. II, 1, стр. 187).

[8] 1133 х. = 2 ноября 1720—21 окт. 1721. На картах Вахушта, первой половины XVIII в., показано два Бидикара: 1) на левой стороне Алазани, к ю. от Гаваза и 2) на правой стороне. в Кизике. Обоих на нынешних картах нет. Тианат=нынешн. Тионет—селен. и обл. к с.-з. от Кахетии. Гурджаан[и]—сел. к с.-з. от Сигнаха, на прав. стороне Алазани. Раздел, о котором идет речь, нельзя понимать в смысле владения, а лишь в смысле раздела сфер набегов: усиление последних в это время отмечается и грузинскими источниками. Мухаммед-кули-хан=Константин II, брат Имам-кули-хана, получил титул кахетинского царя в 1722 г., вел, при деятельной поддержке джарцев, борьбу за овладение Тифлисом и был в 1729 г. убит турками.

[9] Хусейн-али-хан—тогдашний беглербег Ширвана; о его гибели в войне с джарцами говорят и западно-европейские сообщения.

[10] 1135 х. = 12 окт. 1722—30 сент. 1723 г. Выражения „зависимость“ и „управление“, как и выше, приходится понимать в смысле распределения районов, плативших откупное, между аварскими обществами. Гулхадарцы —горные андийцы, соседившие с джаро-белаканцами. Алаверд[и]—кил. в 15 к с.-в. от Телава; сел. С-ахуд и Сабуд неизвестны.

[11] Мухаммед-кули-хан, по грузинским источникам, получил грамоту на Тифлис не от Хусейна, а от его сына Тахмаспа II, подступил к Тифлису в начале 1723 и окончательно овладел им в марте 1723 г., т.-е. годом позже, чем указывает джарский автор: 9 ша'бана 1135 х.=15 марта 1722 г. и действительно приходится в субботу. Под „Областью“ (вилайет), без особого названия, автор разумеет здесь и ниже весь район, находившийся в непосредственном владении Джара, Талы и др. аварских и цахурских обществ. Звук „ц“ автор часто передает условно персидской буквой „ж“ и потому вместо „Цахур“ в тексте всюду стоит „Жахур“. Мухаммед-кули-хан явился в Тифлис еще шиитом и перешел в суннитство, под именем Мухаммед-паши, позже, в угоду туркам. Автор, ревностный суннит, под „исламом“ подразумевает всюду исключительно суннитство, а турецкого султана называет „имамом ислама“. Мухаммед-кули-хан был женат на дочери ихтимад-ад-дауле Фатх-али-хана, сын которого был векилем Ганджи.

[12] Сафар 1134 х. = ноябрь—декабрь 1721 г. Здесь опять ошибка в дате, так как Ибрахим-паша арзерумский был назначен сераскиром и двинут в Грузию лишь в 1723 г. О борьбе за Ганджу и частичном ее взятии османами в 1723 г. упоминает и Сехния Чхеидзе (H. d. I. G. II, 2, стр. 39—40).

[13] Указанная дата соответствует августу 1726 г. По Хаммеру, Ибрахим-паша был заменен в сентябре 1723 г. Мустафа-пашой карсским, а последний затем—Ариф-пашей ракkским, которому были подчинены. в качестве командиров отдельных закавказских корпусов, оба предшествующих сераскира и Исхак-паша чилдырский.

[14] 1139 х. = 29 авг. 1726—18 авг. 1727 г. Кариль=сел. Кварел[и], на левой стороне Алазани, между Шильдой и Гавазом, кил. в 25 к з. от Телава Джуюр=груз. Чиаур[и], на лев. стороне Алазани, к с.-в. от Сигнаха.

[15] 1140 х. = 19 авг. 1727—6 авг. 1728 г. Отсюда и дальше автор часто датирует события указаниями месяца не по лунному, а по солнечному календарю, названиями знаков зодиака, в следующем порядке, начиная от весеннего равноденствия: 1) овна (март—апрель), 2) тельца (апрель—май), 3) *близнецов* (май—июнь), 4) рака (июнь—июль), 5) *льва* (июль—август), 6) девы (август—сентябрь), 7) весов (сентябрь—октябрь), 8) *скорпиона* (октябрь—ноябрь), 9) *лука*=стрельца (ноябрь—декабрь), 10) *козла*=козерога (декабрь—январь), 11) *ведра*—водолея (январь февраль), 12) рыб (февраль—март). Вакир[и]—сел. на прав. стороне Алазани, в 2 кил. к с. от Сигнаха. Под Бешаулом подразумевается местность к с.-з. от Кахетии, в районе р. Арагвы; может быть надо читать ее не Бешаул, а Пшавел[и]. Местечко Кара-агач, на прав. стороне Алазани, близ границ Кизика, было укреплено турками, снабжено артиллерией (откуда и получилась приставка Топ—‘и служило им главным наблюдательным пунктом по отношению к нижней Кахетии и аварским обществам.

[16] Джиник, на картах—Джиних, аварское селение кил. в 15 к ю.-в. от Джара.

[17] Из местностей этого абзаца, переданных через Битан, Ш-л-х-бат Б-джан-баг, Т-г-л, Кушч, Х-ла-дж, Д-надж. М-гран, Х-ч-к-йа, Мил, Битан—соответствует повидимому Бетан[и], упоминаемой Вахуштом у впадения Белаканской реки в Алазань; сел. Биджан-баг соответствует вероятно груз. Бежан-багу, показанному у Вахушта на западном склоне Циво-гомборских гор. О Мили см. прим. 18. Хача-кая б. м. местность близ Эльдара.

[18] Джумада-ал-ахир 1140 х.=янв.-февр. 1728 г. Под горою ал-Фатх повидимому подразумевается Кавказский хребет. Р. Капу-чай впадает слева в Алазань и составляла границу между вольными лезгинскими обществами и султанством Елису. Название Мили сохранилось, может быть, в имени реки Милис-цхали в бывш. Сигнахском уезде. О Бисиджаге см. прим. 3.

[19] Исхак-паша чилдырский был в то время правителем всей восточной Грузии.

[20] Начало сафара 1141 х.=сентябрь 1728 г. „Сын Тархана“, вероятно, неоднократно упоминаемый Вахуштом Луарсаб Тархан, ведший переговоры

с джарцами и др. Моуравы—правители небольших территориальных округов в Грузии; моуравство было обычно наследственным и сопровождалось взиманием с населения определенных доходов. Карданах[и], Бакурцихе, Колак[и], Веджин[и], Гурджаан[и] идут полосою, одно за другим, к с.-з. от подножия Сигнахской горы, по правой стороне Алазани; в Веджин[и] сохранились развалины обширной крепости. Джугаан[и] лежит к ю.-в. от Сигнаха. Ш-л-ян и Б-ху-ял на картах не значатся.

[21] Сурхай-хан казикумухский получил Шемаху, с титулом паши, в мае 1728 г.

[22] Конец раджаба 1141 х.=январь 1729. Под р. Карби (Кавры) подразумевается Йора, которая, по словам Рейнеггса (Reineggs J.—All. Besch. d. Kauk II, 97), носила также имя „Кабре". Сел. Даначи здесь соответствует Таначи, на лев. стороне Алазани, кил. в 20—25 к ю.-з. от Джара. Падар на лев. берегу Алазани, к ю.-ю.-з. от Джара.

[23] Енисел[и] – кил. в 15 к. с.-в. от Телава, на лев. стороне Алазани.

[24] Мухаррам 1143 х.=июль—август 1730 г. Этот Галега упоминается и Папуной Орбельяни. Анцух (в тексте—Ан-с-к)—аул и округ на Аварском Койсу. Фраза составлена неясно: автор, позидимому, хотел сказать, что жители Шильды, угрожаемые дагестанцами, прибегли к покровительству джарцев и тальцев. Кондол[и]—сел. кил. в 7—8 к в. от Телава. Названия Т-лувле и Дж-г'-р-фур невыяснены.

[25] 1143 х.=17 июля 1730—5 июля 1731 г. Под Усми-султаном автор подразумевает не усмия каракайтакского, а султана цахурского и елисуйского.

[26] Махмуд-хан=турецкий султан Махмуд I (1730—1754). Убийство Мухаммед-кули-хана в Бежан-баге (см. прим. 17), во время свидания с Юсуф-пашой, произошло, по Вахушту, в 1729, по Сехнии Чхеидзе—28 декабря 1734 г., а по Папуне Орбельяни—в 1735 г. Джарский автор указывает день и число месяца, но у него неясен год, колеблющийся между 1143 и 1146 х. Пятница падала на 23 раджаба лишь в 1143 г., но выше автор считает Мухаммед-кули-хана живым еще в 1145 х.

[27] Джаур-тух здесь может быть приравнен сел. Чиаур[и] (прим. 14) Словами „выше Гаваза" переведено не вполне ясное „Гаваз-ахала" текста. Сел. Алмат[и]—на лев. стор. Алазани, кил. в 20 к с.-в. от Телава. Хамит может быть сближен с Ахмет[и], кил. в 20—25 к с.-з. от Телава. Хашмаз= сел. Хачмаз, кил. в 35 к в.-ю.-в. от Нухи.

[28] Сел.Ках, кил. в 30 к ю.-в от Джара, входило в состав владений елисуйского султанства.

[29] 1146 х.=14 июня 1733—2 июня 1734 г.

[30] Еще в 1724 г. османское правительство пыталось направить в Закавказье вспомогательные отряды крымцев. В 1732 г. туда, через сев. Кавказ и Дагестан, прошел целый корпус под командой калги Фатх-али-хана, а в 1733 г. в Дагестан явился с новыми войсками и сам хан Каплан-гирей. Благодаря этому, крымские части в это время и далее входили в состав закавказских турецких войск. Под Бай-Ахмедлу разумеется. быть может, не

отдельное лицо, а жители селения того же имени, кил. в 25 к ю. от Джара, на левом берегу Алазани.

[31] Мухаррам 1147 х.=3 июня—2 июля 1734 г.; сафар=3 июля—1 авг. 1734 г.

[32] Тахмасп-кули-хан, будущий шах Надир (1736—1747) взял Шемаху в 1734 г.

[33] Сурхай-хан казикумухский, после вытеснения из Шемахи в 1734 г., продолжал борьбу с Надиром, был взят в плен в 1742 г., вернулся к себе и умер в 1748 г. Ума-хан=Омар-хан аварский. Гардаман-чай—левый приток Куры, но селения Дуайбтаи на картах не значится.

[34] Начало джумада-ал-авваль 1147 х.=сент.—окт. 1734 г. Хосрукп=сел. Хосрек Казикумукского окр.; К-буд и Кусурхи — неизвестны; Ругджа—к ю. от Гуниба, на одном из левых притоков Кара-койсу; Тилик=Тилитль (Телетль) Гуниб. окр.; Аликин (Иликен) на картах не значится; Гиндах=Хиндах Гуниб. окр., на лев. берегу Кара-койсу. Гумук то же, что и Кумук.

[35] Биладжик - кил. в 20 к с.-з. от Нухи.

[36] Ша'абан 1147 х.=янв. 1735 г. Торпах-кале при впадении в Алазань р. Кулаза-чай. Ляляю—сел. близ Торпах-кале. Сел. Али-абад—кил. в 15—20 к ю. от Джара.

[37] Рамазан 1147 х.=25 янв.—23 февр. 1735 г., но на 14 рамазана падает не среда, а понедельник. Крепость Амир-Ахмеда находилась близ самого Джара. Чардах здесь может быть отожествлен с сел. Чардахлы, кил. в 10 к ю.-в. от Джара. Под Верхним селением разумеется, повидимому, горный отселок Джара, куда его жители спасались часто во время нашествий неприятеля. Бече-гиль (Пече-гиль) — ущелье к с. от Джара; из него течет речка, проходящая кил. в 5—7 к з. от Джара, между последним и и сел. Катех. Местности Джамчар и Х-и-к-д х на картах не значатся.

[38] Раджаб 1147 х.=27 ноября—26 дек. 1734 г., мухаррам 1148 х.=24 мая—22 июня 1735 г; сафар=23 июня—21 июля 1735 г. По Хаммеру, сераскир Абдулла Кöпрули был разбит Надиром и убит под Багабертом 14 июня 1735 г. Красный Мост расположен на р. Храме, близ ее впадения, с правой стороны, в Куру. Лори—ныне селение и развалины крепости кил. в 5 к в. от нынешнего уроч. Джелал-оглы, в бывш. Борчалинском уезде.

[39] Вместо Лори, в тексте стоит здесь ошибочно Лози.

[40] Гора К-н-б-г'-д на картах не значится. Даначи—вероятно Таначи, кил. в 20 к ю.-з. от Джара.

[41] Мухахан вероятно Большой и Малый Мухахи (кил. в 15—17 к ю-в. от Джара. Ках, кил. в 30 к ю.-в. от Джара, входил в состав владений султанства елисуйского, которое, в противоположность джарцам, держалось более мирной политики по отношению к османам и даже союзило с ними. Этим, может быть, и надо об'яснить это нападение джарцев на Ках.

[42] Раби-ал-авваль 1148 х.=22 июля—20 августа 1735 г. Ту же дату взятия Тифлиса—начало августа 1735 г.—дает и Сехния Чхеидзе.

[43] Раджаб 1148 х.=7 ноября—16 дек. 1735 г., но 1 раджаба приходилось не в среду, а в четверг. Большинство местных названий, как Макатур, Жалбан, Джамчар, Салах, В-р-к-нид, Х-н-з-кур, Джума-Кебаб-Шуба (?) Б-г'-р-р, Каср-б, Б-л-л-с-н-х-л-шур, Х-ла-Б-тансуп, Х-н-с, М-х-б-ла-Х-р-с-н, Нук-л-Каз-н-с-н, М-х-б-лах не значатся на картах. Арах (Араг)—сел. в Кюринском окр. Баб-ал-абваб=Дербенд, переданный русскими персам весною 1735 г.

[44] Ша'бан 1148 х.=17 дек. 1735—14 янв. 1736 г. Зира—мера длины, размер которой в данном случае неизвестен, так как обычно принимаемый ныне на востоке размер зиры ок. 70 см. не дает тексту надлежащего смысла. Алтун—общее название ходивших тогда золотых монет как турецких, так и европейских; с грубым приближением можно их цену принять в 3 р. 50 к. золотом.

[45] Кала Корейш, в Табасаране, кил. в 50 к. з. от Дербенда. Под Жадасараном здесь и ниже разумеется Табасаран.

[46] Губд-н-б=Гюбден на р. Гюбден-озень, к с.-з. от Дербенда. Б-р-ш-л-б=может быть Баршамаю (Баршанай) в Кайтаге. А-х-л-б-К-л-з-м неизвестен.

[47] Провозглашение Тахмасп-кули-хана (Надира) шахом состоялось в Мугане 8 марта 1736 г.=24 шавваля 1148 х., после получения известия о смерти малолетнего Аббаса III. Шах Тахмасп II был свергнут еще в 1732 г.

[48] 1149 х.=12 мая 1736—31 марта 1737 г. Это известие относится не к Закавказью: в 1736 г. русско-турецкая война началась походом Миниха на Крым. После взятия Азова (июнь 1736) и Очакова (июль 1737), война закончилась белградским миром в 1739 г.

[49] Ансух=Анцух на р. Джурмут-чае, в Гунибском окр. О Галеге Папуна Орбельяни сообщает, что он пробыл три года при дворе шаха, но затем бежал оттуда. О его смерти см. прим. 73. Каракалхан—область верхнего течения Арагвы, неоднократно упоминаемая под этим названием в статейных списках русских послов в Грузию. Сехния Чхеидзе приписывает отражение этого аварского набега Сефи-хану, командовавшему тогда персидскими войсками в Грузии.

[50] 1150 х. = 1 мая 1737—20 апреля 1738 г. Месяц близнецов соответствует маю-июню. Кандагар был взят Надиром в марте 1738 г. Джарский автор продолжает называть Тахмазом Надира и после воцарения последнего.

[51] Месяц льва = июлю-августу 1737 г.

[52] Месяц весов = сентябрю-октябрю, а месяц скорпиона = октябрю-ноябрю 1737 г. Ареш—город б. округа того же имени. Под Б-р-да здесь очевидно, разумеется не Барда на ю. от Куры, а какое-то селение к с. от Куры, в Нухинском окр. Имя Нухи, если не является поправкой переписчика, то любопытно, как самое раннее в литературе упоминание этого названия. О Чардахе см. прим. 37. Агра-чай протекает в 15—18 кил. к ю. от Нухи и впадает в Алазань.

[53] Шавваль 1150 х. = 22 янв.—19 февр. Сел. Халхал—кил. в 35 к в.-ю.-в. от Нухи. О сел. Хашмас (Хачмаз, Хашмас) см. прим. 27. Али-мирза-хан (=Александр), сын Имам-кули-хана (=Давид III), получил в 1735 г. от Надира управление Карталинией, но с подчинением начальнику персидских войск Сефи-хану. Затем он перешел в Кахетию, где пытался составить себе партию среди феодалов и добиться независимости, но его соперницей явилась Тамара, жена Теймураза (II), который сам находился в это время при Надире, осаждая с последним Кандагар. Имя Теймураза (Тахмураза), очевидно по ошибке переписчика, здесь передано дважды через „Тахмаз". На сторону Тамары стало большинство кахетинских феодалов, и Али-мирза был вынужден уйти в Персию, где и умер. Тамара, до возвращения мужа, оставалась фактически во главе Кахетии.

[54] Зу-л-ка'да 1150 х.=20 февр.—21 марта 1738 г. К-б-р-ин неизвестен.

[55] Джумада-ал-ахир 1151 х.=16 сент.—14 окт. 1738 г. 12 раджаба этого года=26 октября 1738 г. падает не на пятницу, а на воскресенье. Фраза разрядкой написана не в тексте, а на полях рукописи, но тем же почерком, что и текст. Имя сел. Мацех, кил. в 5—6 к с.-з. от Джара, писано через „ж"—Ма-ж-х. Названия: Ш-па-р-ш-пур, Шупанкул, Х-н-к-рух, Чапур, М-м-луди, М-к-тул и др. не локализованы. Вертекиль—лесистое ущелье кил, в 10 к с. от Джара.

[56] Малач[и] неоднократно упоминается в грузинских источниках в качестве одного из крупнейших аварских предводителей—беледов. Он принимал деятельное участие в междоусобицах грузинских феодалов. О его смерти см. прим. 81. Под усмием здесь опять разумеется владетель цахурский, а не каракайтакский.

[57] Шабран—местечко в сев. части бывш. Кубинского уезда. Кабала—кил. в 50 к з.-ю.-з. от Нухи.

[58] Дехне (Дегне)—сел. к ю. от Нухи. Байдар в Бошшалу=район Байдар в Борчалу, близ впадения р. Храма в Куру. Беладжик и Агри см. прим. 35 и 52. Дашюз, С-рубаш и К-ш-г'ашай по местоположению неизвестны.

[59] Кур-х-ни и Уч-килиса на картах не значатся. Шаншан—эристав арагвский Шанше, один из крупнейших грузинских феодалов, всю почти жизнь воевавший с грузинскими царями, персидскими и османскими правителями и соседними феодалами, и часто опиравшийся на „лезгинские" войска. Об описываемом походе говорит и П. Орбельяни под 1739 г.

[60] 1152 х.=10 апр. 1739—28 марта 1740 г. Ахмет[и] —сел. кил. в 20—25 к с.-з. от Телава (см. прим. 27, где то же имя в тексте писано без элифа).

[61] 1153 х.=29 марта 1740—18 марта 1741 г.

[62] Последний день зи-л-хиджжи 1153 х. приходится не в четверг, а в субботу. С-дули-Хир на картах не значится, Нухи-гиль (Нука-гиль)—ущелье, параллельное Пече-гилю, отделенное от последнего хребтом, к с. от Джара.

[63] Из названий местностей этого абзаца, Джурмут—река и ущелье в Гунибском окр., к с. от Джара; Зарни—сел. кил. в 20 к ю.-в. от Джара, Атал (Аттал—сел. в Самурском окр., кил. в 30 к в.-с.-в. от Джара; Заган-тала вероятно, сел. Заган, кил. в 20—25 к ю.-ю.-в. от Джара.

[64] 19 мухаррама 1154 х.=6 апр. 1741 г. Джалаир—сел. на лев. стороне Алазани, кил. в 30—35 к ю.-ю.-в. от Джара.

[65] Джумада-ал-аввалъ 1154 х.=15 июля—13 авг., а джумада-ал-ахир=14 авг.—11 сент. 1741 г.

[66] уджек (Лучек)—сел. в Самур. окр. близ слияния р. Самура и Кара-Самура. Ихрех—в том же окр., на Кара-Самуре. Кусур—горный хребет к в. от Джара и сел. на Самуре к с.-в. от Джара. Рул-д-б, Умур и Бухнуд на картах не значатся.

[67] Название горы Чок вероятно связано с названием сел. Чок Гунибского окр. Авари-Мукрах=сел. Мукрах того же окр.

[68] 1154 х.=19 марта 1741—7 марта 1742 г. Суг'урай=вероятно сел. Согратль Гунибского окр. С-р-с-л и Х-нак-рх не локализованы.

[69] Главный лагерь Надира, во время его неудачной войны с Дагестаном, находился в уроч. Ирзн-хараб, к с.-з. от Дербенда, несколько в сторону от дороги на Маджалис. Там Надир и зимовал.

[70] В тексте фраза не закончена. Название Баруз может быть прочитано и Барун.

[71] Грим—сел. Грем[и] кил. в 20 к. с.-в. от Телава—бывшая столица кахетинских царей. „Не принял совета" повидимому означает, что шах Надир (Тахмаз) не признал перемирия, заключенного с джарцами и др. Теймуразом (Тахмураз).

[72] 1155 х.=8 марта 1742—24 февр. 1743 г. Сын Ибрахим-хана (брата Надира)—племянник Надира Али-кули-хан, будущий шах Адиль. Жатрух (Чатлук, Катрух)—сел. Самурского окр. на Кара-Самуре. Кудиль—вероятно сел. Кутиль Кюринского окр.

[73] Гиви Амилахвари восстал в 1742 г. против персидских властей Тифлиса и заключил союз с аварцами. По словам П. Орбельяни, во время осады сыном Гиви Ревазом и „лезгинами" крепости Ерет[и] осажденные неожиданно сделали вылазку и разбили их. Галега был тяжело ранен в этой схватке, бежал в с. Чалу и там умер от раны. Боятан—вероятно сел. Бетан[и] на Алазани, упоминаемое у Вахушта (см. пр. 17).

[74] Военные действия Надира вблизи русской границы, сосредоточение им там значительных сил и слухи о его намерении силою занять спорные пограничные земли сильно обеспокоили русское правительство, которое поспешило сосредоточить русские войска на Тереке и в Кизляре и послать тайно денежные субсидии дагестанским владельцам, чтобы дать им возможность продолжать борьбу с Надиром. В начале 1743 г. осложнения на персидско-турецкой границе отвлекли Надира и он ушел из Дагестана к Багдаду.

[75] По П. Орбельяни, Ходжа-хан в конце 1742 г. был посажен на место не сердаря Фатх-али-хана, а карталинского хана Имам-кули-хана.

[76] 1156 х.=25 февр. 1743—14 февр. 1744 г. Мухаррам=25 февр.—25 марта 1743 г.

[77] В этом письме султан приравнивает шиитов неверующим и применяет к ним ст. 187 гл. II корана.

[78] Дело здесь идет о восстании самозванца, Сам-султана, выдававшего себя за сына шаха Хусейна и нашедшего себе поддержку в клерикальных шиитских кругах, враждебных Надиру, возглавлявшему военную аристократию. Первое восстание Сам-мирзы, в персидском Азербайджане, было подавлено, он был схвачен, но отпущен с обрезанным носом. Явившись в Дагестан, он получил поддержку воевавших с Надиром горцев, захватил-было Ширван, вновь был разбит решил уйти в Турцию, но на пути был перехвачен в Ксанском ущельи Теймуразом, отославшим его к Надиру. Последний приказал выколоть ему один глаз и в таком виде отослать в Турцию, подчеркивая этим свое пренебрежительное отношение в оппозиционным группам Персии. Мускур=Мушкур район вдоль берега Каспийского моря между р.р. Яламой и Бильбили-чаем.

[79] Здесь имеется в виду другой претендент на шахский престол—Сефи-мирза, бежавший ранее в Турцию и находившийся при турецких войсках, в Карсе, где оба претендента и встретились. Тебелель (Тебель)—лезгинское общество к с. от Кахетии, часто поставлявшее воинские отряды кахетинским царям.

[80] 1157 х.=15 февр. 1744—2 февр. 1745 г.

[81] По рассказу П. Орбельяни, Теймураз разбил не самого пашу, а отряд, посланный последним в Дагестан для сбора войск и отвоза туда денег. Сражение произошло в районе Сагурамо, который может быть и фигурирует у автора под формой Ч-г-р-гур; турецкий начальник отряда попал в плен, а Малач[и] (Малладж) был убит. Сам Юсуф-паша, потеряв надежду на получение подкреплений из Дагестана, отступил в свое родовое владение —Ахалцих (=Ахисха=Хаскай?) и вскоре умер.

[82] Бардали=Барда, кил. в 25 от нынешнего Евлаха по дороге в Шушу.

[83] Мухах, Мишлиш и Джиник—селения на Самуре, выше Цахура. Бабаратма—сел. на лев. берегу Алазани, кил. в 50—60 к ю.-в. от Джара.

[84] Название Цахура писано в тексте через „ж" —„Жахур". Под „крепостью Амилахора" разумеется Сурам. Осажденный в нем царем Теймуразом в 1745 г., Гиви Амилахвари сдался на условиях пощады, прожил некоторое время в почетном плену в Тифлисе, а затем, по приказу Надира, был отослан в Хорасан и посажен в тюрьму, из которой вышел по смерти Надира. Ослеплен он не был.

[85] В том же 1745 г. Надир разрешил Теймуразу официально короноваться в качестве царя Карталинии.

[86] 1159 х.=24 января 1746—12 янв. 1747 г.

[87] 1160 х.=13 янв. 1747—1 янв. 1748 г.

[88] О чрезвычайном напряжении налогового пресса в последние годы Надира упоминают и другие источники. В 1747 г., не будучи в состоянии

уплатить требуемой Надиром суммы, Теймураз укрепился в Анануре и привел в оборонительное состояние всю восточную Грузию. Пример Теймураза вызвал подражение и в окрестных землях. Это вынудило Надира идти на уступки и после переговоров было достигнуто соглашение. Под Гурханой автор может быть разумеет креп. Гори, занятую тогда афганским гарнизоном, взять которую Теймураз попытался-было, но неудачно.

[89] Уроч. Казмаллар имеется в Кипчакском обществе Закатальского окр., но возможно, что это просто нарицательное имя—„хутора". Джитрих может быть то же, что Катрух (см. прим. 72).

[90] Сын Сурхай-хана—Мухаммед-хан, правивший Казикумухом еще при жизни отца.

[91] Надир был убит Салех-беком и др. в мае 1747 г., при чем сопротивлявшемуся Надиру удалось убить, по слухам, двоих или троих из нападавших. Третье восстание Сам-мирзы (см. прим. 78) или лица, выдававшего себя за него, было удачнее первых двух: в течение нескольких лет он признавался шахом в персидском и кавказском Азербайджане, но затем был взят в плен Фатх-али ханом (в тексте Али-хан) и выдан Амир-аслан-хану, отославшему его к Адиль-шаху (=Али-кули-хан), племяннику Надира, провозглашенному шахом в Хорасане.

[92] 1161 х.=2 янв.—21 дек. 1748 г.

[93] Абдулла-бег (=Арчил), сын царя Иссе, сторонник Сам-мирзы, получил от него грамоту на владение Карталинией, но был вытеснен сперва из Тифлиса, а потом и из Сомхетии царем Ираклием кахетинским, действовавшим в интересах своего отца, Теймураза карталинского, в бытность последнего в Персии. Это один из эпизодов соперничества различных ветвей багратидов.

[94] Смысл второй фразы этого абзаца неясен.

[95] В тексте стоит прописью „восемьсот тысяч" благодаря очевидно ошибочной перестановке слов.

[96] Под креп. Халвар разумеется, вероятно, креп. Биртвис[и] на южном отроге Халварского хребта, служившая, вместе с креп. Самшвильде, одним из главных опорных пунктов Абдулла-бегу (=царю Арчилу) в его борьбе с царями Теймуразом и Ираклием. На службе у него, как равно и его противников, находились значительные аварские отряды, в числе представителей которых П. Орбельяни упоминает и Зобейдали.

[97] 1162 х.=22 дек. 1748—10 дек. 1749 г.

[98] Урда-агъыз („устье Урдо")—вероятно брод Урдо на Алазани, кил. в 25 от Сигнаха на запад. Вакир[и]—кил. в 2—3 к с., Мирзаан[и]—кил. в 8 к ю.-в. Машхаан[и]—кил. в 7 к ю.-ю.-в. от нынешнего гор. Сигнаха.

[99] 1163 х.=1 дек. 1149—29 дек. 1750 г. Тибаан[и]—сел. кил. в 8 к ю.-в. от Сигнаха Хроника заканчивается оборванной фразой.

Е. Пахомов.

II.

Постановления собрания в Агдаме.[1]

Во имя всемилостивого, всемилосердного. Хвала богу, господину миров, и благословение и мир лучшему из его творений, Мухаммеду.

Вот изложение принятых с самого начала ислама и до появления могущественного шаха Аббаса договоров, законов и постановлений, согласных с обычаями и обычным правом наших отцов и предков-судей, представителей, господ и начальников области Джара и Ули (Талы?). Эти постановления были приняты на их собрании в Агдаме в конце сафара ал-музаффара 1165 г. (1751/2) в присутствии великих и малых представителей Области, с их согласия и одобрения, а также с согласия других (представителей), начиная с Елису и до Белокана. Постановления эти даны в помощь и подкрепление мусульманскому шариату и ради благоденствия и счастья народонаселения.

Начнем, прежде всего, с того, что относится к убийству. Представители Области постановили следующее:

1. Тот, кто умышленно или неумышленно убьет верующего мусульманина, у того будут преданы огню жилище, вырублены и уничтожены деревья и виноградник, и он будет выслан из родного края и будет находиться на чужбине до тех пор, пока ему не разрешат вернуться и он не примирится (с родственниками убитого) согласно обычаю и урфу, принятым в Области, т. е. пока не уплатит виру в размере 12 туманов.

---

[1] Сел. Агдам—между Елису и Джаром. Этот документ интерсен, между прочим, как образец смешения начал шариата и местного адата.

В случае, если убийца умрет до уплаты виры и совершения рад'и, то их обязаны уплатить его родственники и его дети, которые не могут возвратиться на родину, не получив на то разрешения и не уплатив вторично рад'у. Но если родственники убитого или имеющие право мстить убьют (убийцу) до уплаты штрафа, то кровь (убитого) не требует уже мщения и его родственники могут, когда пожелают вернуться на родину, не совершив рад'у.

2. Если кто будет убит, при чем убийца не будет точно известен, родственникам убитого предоставляется право указать и назвать убийцей кого они пожелают из его врагов. После этого родственники убитого должны потребовать от родственников подозреваемого в убийстве лица совершения тазкии и татхира[2], т.-е., чтобы они в количестве двенадцати видных мужчин, шести со стороны отца и шести со стороны матери —поклялись (в невинности подозреваемого). Кроме этих двенадцати должны поклясться еще двадцать восемь человек, безразлично кто, так, чтобы число поклявшихся было 40 человек.

Если эти лица произнесут клятву согласно установленному обычаю, а именно, двенадцать из них [3], поклянутся сначала священным кораном, а затем троекратным талаком[4], а остальные только кораном, то подозреваемый становится чистым и вне подозрения.

3. Если во время драки, при которой будут пущены в ход руки, камни, или палки, окажется убитым один, двое или трое, при чем убийцы будут известны, тогда вступают в силу постановления об убийстве; но если убийцы не будут известны и их участие не будет доказано на основании урфа[5], то ближайший родственник убитого имеет право об'явить убийцей кого он пожелает и применить к нему постановление кровной мести. Но если кто-нибудь будет убит в открытом

---

[2] Клятвы на коране и произнесения формулы окончательного развода.
[3] Родственников подозреваемого.
[4] Разводом безвозвратным.
[5] Обычного права.

бою неумышленно или по ошибке и сам убийца сознается в этом или кто другой укажет на него по имени и отчеству, то никакой ответственности за это он нести не будет.

4. Если убийство будет совершено кем-либо, при ком живут дети, братья и другие родственники нераздельно, т.-е. имеют с ним общее движимое и недвижимое имущество, то за убийство отвечают все, а именно у всех предаются огню дома, все высылаются с их родины и т. п.; но если кто-нибудь из них имеет отдельное от убийцы движимое и недвижимое имущество и не имеет с ними общего огня и дыма, то в том случае он сам подлежит высылке на один год, но дом его не подвергается разрушению. В случае, если его дом будет сожжен, а деревья его и виноградники будут срублены вместе с домом убийцы и его жены, то те, кто это сделал, обязаны возместить ему убыток.

5. Если кто похитит чужую жену или дочь, или отнимет жену у другого, или украдет платье или другие вещи предательским образом, то к нему должны быть применены постановления, относящиеся к убийству, а именно: он должен быть наказан, бит кнутом, выслан на год и лицо его должно быть вымазано в черный цвет; при этом у него отнимают похищенную жену или дочь и передают ее ближайшему ее родственнику. В случае убийства похитителя в бою, его кровь (смерть) не подлежит отмщению. Но если будет решено взять за него выкуп, то это делается по постановлению представителей Области и сообразно с имущественным положением его (сородичей) и их происхождением, а также с положением других, причем каждый из этих обязан внести по три тумана.

6. Если прелюбодей совершит прелюбодеяние с честной женщиной или прелюбодейка с честным мужчиной, то женщина подлежит смерти через побиение камнями, в пятницу, после молитвы, перед соборной мечетью в Джаре или перед областным Собранием; если же один из двух прелюбодеев окажется не женатым, а другой женатым, то смерти через побиение камнями подлежит женатый или замужняя, а неженатый (или незамужняя) будет наказан ста ударами и лицо его

(или ее) будет вымазано в черный цвет; кроме того, он должен быть посажен на осла задом наперед и в таком виде проводим несколько раз перед всем народом.

7. Заключение брака должно быть совершаемо через деревенского кадыя согласно одному из четырех мазхабов,[6] но если брак будет заключен по чужому мазхабу, и это вызовет жалобы и раздоры, то брак должен быть отменен и впредь считаться запрещенным во избежание нареканий и раздоров, а совершивший брак по чужому мазхабу, будь то кадый или кто другой, должен уплатить три тумана в виде пени.

8. Тот, кто будет скрывать человека, убившего своего господина или своего агу, уплачивает 12 туманов.

9. Тот, кто найдет краденую вещь или совершит кражу или нападение на кого-либо, должен уплатить штраф в три тумана; столько же должен уплатить и тот, кто укроет вора, окажет ему гостеприимство, даст ему хлеб или укажет ему дорогу.

10. Тот, кто возьмет ишкиль[7] с человека, явившегося в деревню за своим (пропавшим) имуществом, обязан уплатить штраф в размере двух туманов и возвратить (ему) его добро. Всякая деревня, которая откажется (окажет сопротивление) возвратить имущество его владельцу, явившемуся за ним хотя бы и не в урочное время (?), должна уплатить 12 туманов штрафа.

11. Если кто найдет свое пропавшее добро или заблудившийся скот, перешедший к другому посредством кражи или иным путем, тот имеет право отобрать его у того, у кого оно будет найдено, согласно шариатскому закону или обычному писанному (праву). Но если тот откажется выдать его, то (пер-

---

[6] Религиозно-юридических толков.

[7] اشكيل или اسكيل или баранта — право истца, потерявшего надежду на миролюбивое удовлетворение со стороны ответчика, нападать на его родственника или односельчанина и силой отнимать у него какую-нибудь вещь, которую удерживать до тех пор, пока ответчик, понуждаемый родственниками пострадавшего или односельчанами, не удовлетворит истца. (См. А. В. Комарова, Адаты и судопроизводство по ним. Сборник сведений о кавк. горцах, в. I, стр. 81).

вому) владельцу скота остается только взыскать его стоимость.

12. Всякий, кто похитит или ограбит чужое имущество, безразлично—малое или большое, и скроет его, но потом оно будет обнаружено при помощи так называемого мушдулука[8] или кого либо из народа, тот будет рассматриваться как обыкновенный вор и обязан будет уплатить собственнику украденного или ограбленного троекратную его стоимость. Если же похититель заявит еще до обнаружения украденного через глашатая, что он взял ту вещь для такой то надобности, то он будет рассматриваться, как признавшийся (в своей вине[9]) и на него будет наложен установленный шариатом или обычаем штраф.

Если же у кого нибудь будет найдена только часть украденного, что на языке турок называется „лишан“ (нишан), как то рубаха, халат, пояс и другие шитые вещи, или же оружие и шкуры вьючных животных и будет доказано, что они[10] بليكه то собственник этих вещей может их отобрать у того, у кого они окажутся и, кроме того, с него же должен быть взысканы „мушдулук“ и троекратная стоимость найденной вещи. В случае, если найденное имущество будет состоять из небольшого куска старой и поношенной материи, или куска кожи или мяса и не будет доказано, что они были украдены, или بليكه то лицо, у кого окажутся эти вещи, обязано уплатить лишь то, что установлено шариатом или обычаем. Но если вор не сознается и он будет принужден вернуть украденное добро только при помощи мушдулукчия, который открыто, в присутствии Дивана[11] обнаружит украденное и изобличит вора, то последний обязан уплатить три тумана штрафа и должен понести наказание больше того, о котором я выше упомянул; в противном случае он обязан уплатить только установленный обычаем штраф, о котором мы говорили выше.

---

[8] От персидского مزد مژده — награда, мзда, подарок за добрую весть.

[9] В тексте стоит слово قار, которое я условно считаю за. قاري

[10] Мне не удалось выяснить значение этого слова.

[11] Собрание представителей власти.

13. Если тот, у кого будут найдены украденные или потерянные вещи, заявит, что такой-то, сын такого-то, является его соучастником в краже, то, если данное лицо относится к числу ненадежных и подозрительных людей, т.-е. таких, которые иногда занимались воровством или у которых хоть один раз были обнаружены краденые вещи, и если это будет доказано сначала путем клятвы на священном коране, а затем произнесением троекратного талака как самим подозреваемым, так и другим, равным первому (по социальному положению) и называемым по-турецки „шишпапаком",[12] то указанное лицо будет считаться соучастником в воровстве (и отвечать по закону). Но если подозреваемый (в соучастии) известен как честный, верный и справедливый человек, за которым не числится ни предательства, ни воровства, то он обязан совершить только тахарет и тазкию[13] по примеру тех подозреваемых, соучастие которых в краже, не было доказано, но которые по обычному праву Области обязаны совершать тазкию.

14. Если в какой-либо деревне будет совершена кража, и воры уйдут в другую деревню и вслед за ними и за украденным добром будут погоня и преследование до самой деревни, в которую бежали воры, и если эти последние бросят краденое на открытую с двух сторон и доступную улицу деревни, и оно подобрано будет преследователями, то совершившие воровство обязаны только сделать тахарет и тазкию согласно принятым в Области обычаям.[14] Но если украденное будет брошено на улицу, не имеющую выхода (тупик), то воры отвечают полностью за краденое и выдают сверх того, в виде штрафа, одно вьючное животное. Точно так же они отвечают полностью и в том случае, если краденое будет ими брошено за забор (дома) или в сад.

15. Если в каком-либо жилом помещении или в чьем-либо хлеве будет найдена краденая вещь, то ее собственник

---

[12] Буквально—(человек) с остроконечной папахой, а затем—нечестный, бродяга и т. д.

[13] См. выше.

[14] Или по постановлению власти.

имеет право отобрать её и требовать недостающую до троёкратной стоимости сумму, но он обязан при этом, в подтверждение своей претензии, произнести вместе с одним свидетелем клятву в присутствии ‘урфского суда и Дивана.[15]

16. Если у кого есть совершенолетний и здравомыслящий пленник, которого он освободит и отпустит на его родину по получении от его неверующих (не мусульман) хозяев выкуп, и если этот самый пленник вторично попадает в руки новых завоевателей, то он должен принадлежать последним, и первый хозяин, получивший за него выкуп, не будет иметь никаких прав на него.

17. Если две тяжущиеся стороны обратятся в суд с жалобой на шариатского судью, и представитель власти прикажет истцу представить доказательство (своей правоты), а ответчику—произнести клятву, то истец не имеет права больше месяца откладывать без достаточных оснований представление доказательства, т.-е. свидетелей.

Если же ответчик представит доказательство спустя месяц, то оно не будет принято от него, хотя бы он был шейхом или ученым (правоведом). Точно так же и истец не имеет права откладывать больше месяца произнесение клятвы.

18. Претензии по поводу движимого имущества, оставшегося после умершего, не будут приняты и заслушаны, если они будут пред‘явлены по истечении сорока лет со дня смерти данного лица. Точно так же не будут приняты (во внимание) ни жалобы, ни заявления, ни просьбы о дележе имущества после указанного срока. Что касается недвижимого имущества, то претензии относительно его не будут слушаться (им не будет дан ход) по истечении шестидесяти лет (со дня смерти наследователя). Если же будет открыто новое имущество и наследники будут требовать нового дележа, то тогда поступают по шариату и согласно обычаю, принятому в Области.

---

[15] Представителей власти.

19. Если родственники подозреваемого в краже или в чем-либо другом явятся по истечении месяца со свидетелями, требуемыми ʻурфом и обычаем Области (и будут требовать пересмотра дела), то на их требование не будет также обращено внимания.

20. Не будут вновь пересмотрены претензии одних к другим,[16] если они были уже разрешены на основании официальных документов с печатью и подписью сельского кадыя того времени и с указанием мотивов состоявшегося решения относительно оставленного имущества и прекращения всяких споров и недоразумений между спорящими сторонами, со ссылкой на мнения известных судей, если только постановление кадыя явно не противоречит шариатскому закону и древнему ʻурфу или если его решение не было вынесено под влиянием запрещенного подкупа, дружбы или пристрастий. В этих случаях постановление кадыя отменяется, и официальные документы считаются не имеющими силы и подлежат сожжению, а кадый и составитель таких документов обязаны внести за свое преступление три тумана штрафа.

21. Если чей-либо дом будет подожжен неизвестно кем, но потом поджигатель обнаружится, то к нему должны быть применены постановления, касающиеся убийства, и им должны быть возмещены все убытки; кроме того, виновник обязан еще внести пять туманов штрафа. Но если виновник не будет обнаружен, а будет только высказано на кого-либо подозрение, то хозяину подожженного дома предоставляется право требовать с подозреваемого тазкию и татхир.[17]

22. Если кто-либо сделает подкоп под (чужой) дом или выломает (двери или стену) или же разрушит его, то к нему должны быть применены постановления, относящиеся к убийству, и если виновный будет убит, то его кровь не подлежит отмщению.

---

[16] В подлиннике стоят слова صكوك и سجلات долговые расписки и протокольные книги.

[17] См. выше.

23. Если кто-либо, в случае войны с неверующими или врагами мусульман, отправится (тайком) к ним и донесет о выступлении войска или ополчения и будет захвачен войсками, то он подлежит смерти, и убийство его считается безнаказанным. Но если он успеет вернуться домой и не будет схвачен войсками, он обязан уплатить двенадцать туманов штрафа.

24. Если кто разведет огонь в кустах(?), в поле, на лугу или во дворе дома и огонь распространится на чью-либо собственность, находящуюся хотя бы и в отдалении, то разведший огонь обязан уплатить стоимость сгоревшего или восстановить его. Если огонь разведет лишь один из толпы, а другие будут поддерживать его собиранием и принесением дров и будут сидеть кругом, смотреть и беседовать, хотя у них и не было вначале намерения греться, то все они участвуют в возмещении убытков, согласно существующему в Области ʻурфу.

45 коп.

XVIII əsrdə
CAR MUHARƏBƏLƏRININ XRONIQI

Az. Dev. Elmi Təd. Inst. nəşrijatь
Baqь—1931